

Гавриил Иванович Вишневский во всей красе

Некоторые воспоминания и эпизоды из детского, юношеского и зрелого возраста Гавриила Ивановича Вишневского, не изгладившиеся из его памяти на семьдесят девятом году его жизни.

Детство.

Я родился 9 — го октября 1847 года в прелестной усадьбе «Отрада», благоустроенного имения Полтавской губернии, Пирятинского уезда моего деда по матери, боевого генерала Дмитрия Петровича Селецкого, бывшего в то время Пирятинским уездным предводителем Дворянства, куда моя мать, в большинстве случаев,

переселялась в ожидании прибавления семейства.

Мой отец, Иван Гаврилович Вишневский, потомственный дворянин Полтавской губернии, считался состоятельным помещиком Пирятинского и Переяславского уездов этой губернии, нашей чудной Малороссии. Поступив, по обычаю дворян, на военную службу в Каргопольский кавалерийский полк, он, в чине поручика, вышел в отставку; и по требованию отца, Гавриила Ивановича, передавшего ему в управление имение «С.Фарбовану» Пирятинского уезда и деревню «Карань» Переяславского уезда, усердно занялся сельским хозяйством. Получив затем в собственность эти имения от отца, проживавшего большую часть времени то в Москве, то в Тверских своих владениях, он, в возрасте за тридцать лет, с репутацией хорошего человека, опытного, дельного хозяина, и с представительной наружностью, посещая семью Д.П. Селецкого, влюбился в его дочь, Аделаиду Дмитриевну, только что окончившую с медалью Полтавский Институт, юную, прекрасно воспитанную умную девицу, сделал ей предложение и, получив ее и родителей согласие, женился на ней. От этого брака у них было десять детей. Двое старших Гавриил и Мария, а также последний, самый младший — Александр, умерли в раннем детстве; остальные семь: Андрей, Дмитрий, Гавриил, Варвара, Митрофан, Мария и Владимир росли и жили более менее продолжительное время. Имена Иван и Гавриил из рода в род чередовались друг за другом. Так наш прадед был Иван, дед — Гавриил, отец — Иван, и его старший сын — Гавриил, но так как он умер в малолетнем возрасте, и они непременно желали иметь сына Гавриила, то им посоветовали в момент

моего появления на свет, снять мерку моего роста и по этой мерке заказать иконописцу икону Архангела Гавриила; что было в точности исполнено и прекрасно выполнено. Я благополучно вырос на радость родителям, которые очень чтили эту икону, а после их кончины, я хранил ее как святыню. До разгрома моего имущества, оставаясь единственным членом нашей многочисленной семьи. Будучи кротким, ласковым, привязчивым ребенком, я всю свою жизнь пользовался особенным расположением родителей и в свою очередь безгранично любил их. Раннее детство наше протекло в Фарбоване, где наша незабвенная мать проявляла самую сердечную заботливость о нашем воспитании и образовании. Под ее надзором русский преподаватель, французская и немецкая гувернантки, старательно и умело исполнявшие свои обязанности, заслужили расположение родителей и нашу детскую привязанность. Когда приходилось поступать в учебные заведения — мы со слезами и большим горем расставались с ними. Отец наш был добрый, честный, хороший человек, но очень вспыльчивый, подозрительный и похотливый. Мать — умная, образованная, чадолюбивая и во всех отношениях прекрасная женщина. Некоторые качества их характера перешли по наследству и к нам.

Так, брат Андрей - был дельный, серьезный, чадолюбивый; Димитрий — легкомыслен, бесхарактерен, добродушен; Я, Гавриил - самолюбив, кроток,

Родовое поместье Вишневецких Фарбована в свои лучшие дни

доверчив, любвеобилен; Митрофан — несдержан, неуравновешен, беспечен; Владимир — взбаломошен, необуздан, сластолюбив; сестра Варвара — самонадеянна, самолюбива, подозрительна; сестра Мария — умна, добросердечна, добродетельна. Благородством, честностью и трезвостью отличались все члены семьи. В всесторонних заботах о нашем здоровье принимал большое участие

превосходный, опытный, старый детский врач Фишер, проживавший в м. Яготина и еженедельно посещавший Фарбовану. Вставали мы, разумеется, как и полагалось в деревне, рано. После туалета, совершив совместно общую молитву, и насытившись кипяченым молоком, с очень вкусными печеньями, приступали к классным занятиям, которые продолжались до раннего обеда, а за тем большую часть дня проводили в играх и гимнастических упражнениях в саду; или в прогулках по полю. В четыре часа пили молоко, а после вечернего чая, приготовления уроков к следующему дню и молитвы на сон грядущий, расцеловав родителей, отправлялись спать по своим комнатам. В ненастную погоду и зимой, свободное от занятий время проводили за танцами и пением под аккомпанемент фортепиано, на котором не дурно играла мать, или внимательно

слушали, за общим столом чтение интересных детских рассказов. По субботам производилось всеобщее наше купание в ваннах. В воскресенье и праздничные дни ездили в двух экипажах в церковь, находившуюся на селе, в трех верстах от нашей усадьбы, с матерью, учителем и одной из гувернанток. После обеда всегда посещали очень добрую, приветливую старушку, бабушку Алену (Елену) Ивановну Бордакову, усадьба которой была в нескольких шагах от церкви. Она нас очень любила и баловала; самым радушным образом угощала чаем и необыкновенно вкусными пирожками, ватрушками, кнышами, паляницами и разными домашними лакомствами. Для нас эти посещения были настоящими праздниками. У нас, в Фарбоване, жила и другая, не менее почтенная и любимая нами, бабушка, тетка отца, Анна Михайловна Волковская. Мы ее в полном смысле слова обожали и в минуты неудовольствия родителей или недоразумений с гувернантками, по поводу каких — нибудь наших проказ и шалостей, всегда прибегали к ее защите и покровительству.

Наша Фарбованская усадьба была очень обширна и застроена необходимыми сельскохозяйственными зданиями. Дом был неказист, в один этаж, длинный, поместительный, крытый, как и все остальные постройки, соломой, по типу построек малороссийских старосветских помещиков, который, по мере прибавления семейства, увеличивался пристройками. Внутренняя обстановка была очень скромная, но чистота и порядок безукоризненны. В таком же роде были: флигель, где помещался управляющий и контора, изба для сроковых рабочих и помещение для садовника. Такая незатейливая простота не мешала многочисленным родственникам и знакомым, часто и охотно посещать наших приветливых, радушных, гостеприимных родителей и находить, что поговорка о том, что «изба красна не углами, а пирогами», вполне оправдывалась. Действительно такого обильного, вкусного, разнообразного угощения, как у них, не было у самых зажиточных соседей. Благодаря превосходным пастбищам, молочные продукты, при изобилии породистых коров, были идеально хороши. К тому же моя мать, будучи образцовой хозяйкой, заботясь всегда иметь искусных поваров и булочниц, сама производила такие превосходные разнообразные кондитерские изделия, как всевозможные варенья, цукаты, пряники, ликеры, наливки и морсы, которые приводили в восторг всех посетителей. В то время многие помещики посылали молодых способных крестьян по преимуществу в Москву, изучать разные ремесла, что делали и мои родители, поэтому в Фарбоване всегда было много специалистов разного рода знаний, вплоть до

талантливого художника Василия Дикого, но что особенно было привлекательно в Фарбоване это сад. Прекрасно распланированный, с утрамбованными аллеями, ведущими к большому чистому пруду, на котором построены были : беседка и купальня, а также спущена на воду большая поместительная лодка; превосходные, тенистые группы деревьев, красавцы тополя, редкие

Родовое поместье Вишневецких Фарбована

декоративные растения, цветники, клумбы, оранжереи, теплицы, парники для ананасов и ранних примеров, с отапливаемым сараем для персикового и абрикосового дерева, все это благоустройство нашего сада были одним из лучших в Пирятинском уезде.

Праздники Рождества Христова и Пасхи были для нас, детей, такими радостными событиями, приближение которых мы ждали с нетерпеливо трепетным

восторгом. На Рождество вся наша семья, с чадами и домочадцами, кроме отца, который по хозяйственным соображениям всегда оставался дома, переселялась в обширных возках, к вдовому в то время Ивану Яковлевичу Лукашевичу, который был женат на сестре отца — прекрасной, доброй, но болезненной Варваре Гавриловне, в его богатое поместье, с большим, хорошо обставленным домом в с.Крупском, Золотоношского уезда Полтавской губернии. Он очень уважал и любил моих родителей и всегда, с сердечной любезностью, упрасивал их привозить нас на елку, устраиваемую им для своих трех дочерей, приблизительно, нашего возраста: Софии, Елисаветы и Анастасии. Колоссальная елка, блистательно освещенная и богато разукрашенная гирляндами, пряниками, звездами, картонажами, бомбаньерками с конфетами, интересными игрушками, книжками с картинками и сюрпризами для взрослых — производила на нас и всех приглашенных потрясающее впечатление. А прекрасный оркестр музыки, местного кавалерийского полка, игравший веселые мотивы русских и малороссийских песен и танцев, под звуки которых дети резвились, играли, бегали и танцевали, пробуждал всеобщее веселье, неподдельную радость и восторг. Детский праздник продолжался часов до 11 — ти, а с 12 — ти начинался бал для взрослых, на который съезжались соседи ближних имений и городов, и офицеры расквартированных в той местности, кавалерийских полков.

На одном из его роскошных необыкновенно привлекательных балов, Иван Яковлевич, будучи уже не молодым вдовцом, пленился дочерью своего приятеля и дальнего родственника Александра Александровича Иваненки, умной, развитой, красивой девицей, Пелагеей Александровной; и женился на ней. Брак этот, с ее стороны, без сомнения, был браком по расчету, а им руководила не только похотливость, но и непреодолимое и желание и надежда иметь сына и

хорошую мачеху для его дочери от первого брака. Ни того, ни другого, однако, ему не суждено было достигнуть; так как Полина Александровна, как все ее называли, только после его смерти, от мучительной и тяжелой болезни родила не сына, а дочь, названную Зинаидой, а роль заботливой мачехи ей оказалась не по характеру и силам. О чем я еще буду говорить впоследствии.

Пасху мы обыкновенно проводили у дедушки Дмитрия Петровича Селецкого, в его чудной, роскошной усадьбе «Отрада». Во время нашего детства это была одна из лучших, благоустроенных усадеб в Пирятинском уезде, с изящным, комфортабельным домом, превосходно меблированным, прекрасными флигелями, хозяйственными постройками и садом. Сам дед представлял из себя тип генерала Николаевских времен.

Проживая безвыездно в деревне, в центре уезда, на большой почтовой дороге; окруженный многочисленными зажиточными помещиками, избранный Пирятинским уездным предводителем дворянства, он являлся лицом, к которому стремились все интеллигентные соседи, находившие всегда привет, любезность, гостеприимство. Поэтому на Пасху, и в другие торжественные дни, его посещала масса родных и знакомых. Пасхальные розговины отличались не только необыкновенно роскошными и разнообразными яствами, но и декоративной изящностью; и нам в этой «Отраде» действительно было отрадно проводить несколько праздничных дней. Большое удовольствие доставляло нам слушать каждый вечер прекрасное пение русских и малороссийских народных песен хором крестьян обоего пола, под управлением опытного регента любителя. В особенности грустные, унылые напевы малороссийских песен производили на меня сильное впечатление; точно также, как и пение девчат и паробков, возвращавшихся с полевых работ мимо нашей усадьбы, мне всегда очень нравилось. Деда не без удовольствия посещали: батько Тарас Шевченко и некоторые другие украинские поэты и писатели, как Гребенка, Котляревский, Кулиш. Бабушку Марию Даниловну, супругу Дмитрия Петровича, я не знал, она, кажется, умерла до моего рождения. Судя потому, что ее сын — Петр Дмитриевич и четыре дочери: Аделаида, София, Надежда и Мария, были хорошо воспитаны и образованы, нет сомнения, что она была просвещенная, интеллигентная особа. Меня, как прилежного, способного мальчика, лет девяти отвели в Киев и определили в лучший тамошний пансион Гедуена. Расставаться с родителями, с младшими братьями и сестрами, с Фарбованой — было для меня большим горем. Но ласковое, доброе участие, проявленное Гедуеном и его женой, скоро примирили меня с новыми условиями жизни. Учился я хорошо, вел себя безукоризненно, и после двухлетнего пребывания у них, удостоившись похвального листа, в награду отличных успехов в науках и благонравии, от 17 — го июня 1858 года, я был отведен матерью в Петербург и определен в пансион Филипова, для подготовки к поступлению в училище Правоведения. Пробыв там год, я, в возрасте двенадцати лет, по конкурсному экзамену, поступил в приготовительный класс для этого училища; откуда через год перешел в младший VII — ой класс самого училища. И за тем, ежегодно переходя в старшие классы, дошел до последнего гимназического IV класса, с хорошими отметками по наукам, что удостоверено, полученным мною аттестатом.

Юность.

Достигнув юношеского возраста, я все же был очень благонаравен, застенчив и самолюбив. С товарищами был в хороших отношениях, но интимно ни с кем не сходилась, и ни в каких их похождениях, кутежах и дебошах не участвовал. Из близких родных в Петербурге проживали только две тетки: София Гавриловна Писарева, сестра моего отца, и Марья Дмитриевна Фалеева, сестра моей матери, которые по исключительным условиям жизни, не могли проявлять мне особенной заботливости и внимания. Такая замкнутость, такое одиночество очень часто наводили на меня невероятную грусть и тоску. Отправляясь в праздничный день, чтобы рассеяться в летний или Таврический сад, обыкновенно переполненные массой веселой радостной публикой с счастливыми, беззаботными детишками, у меня невольно болело сердце,

навертывались слезы. Большим утешением было, изредка, посещать Итальянскую оперу и Французский театр. Но такую роскошь я мог себе позволить не часто, так как денежные мои ресурсы были очень ограничены. Проникнуть в Оперу, когда пели: Патти, Тамберлик, Николлини, Кольцолари и другие знаменитости, даже на галерку — не было никакой возможности, но при некоторой сноровке и протекции у камер — лакеев, мне иногда удавалось, за скромную плату, пробраться до самого потолка, под крышу театра и лежа выбрать себе щель, куда очень хорошо доходили чудные звуки поющих. Попечителем и основателем Училища Правоведения, был известный своей благотворительностью, Принц Петр Георгиевич Ольденбургский. Его сын Георгий Петрович, был в одном классе со мной, приходящим воспитанником училища, относился ко мне дружелюбно и праздниками иногда приглашал меня к себе. Ежегодно, в зимний сезон, Принц устраивал у себя во дворце бал для воспитанников и воспитанниц многочисленных учебных заведений, в которых он был попечителем. В числе правоведов, назначаемых участвовать на этих балах, всегда бывал и я, как хороший танцор и скромный, воспитанный юноша.

Гавриил Иванович на костюмированном балу

Мне и моим одноклассникам оставалось всего полгода для перехода на старший университетский курс; и мы уже пользовались некоторыми привилегиями и льготами. Инспектором воспитанников у нас был симпатичный полковник Иван Самойлович Алопеус, имевший квартиру в самом здании училища. Как — то, совсем неожиданно, он вызвал меня к себе, и любезно заявил, что считает своим долгом выразить мне благодарность, за то хорошее влияние, которое я имею на своих товарищей, будучи примерным, безукоризненным молодым человеком. Хотя такой отзыв и был приятен для моего самолюбия, но я никак не мог понять, чем он вызван? А через несколько дней я был еще более поражен, разразившейся надо мною, неожиданной катастрофой, доведшей меня до глубокого отчаяния. Не подлежит сомнению, что юноши семнадцати — восемнадцати лет всегда очень щепетильны к обращению с ними воспитателей и учителей, большинство которых и проявляло мудрую деликатность и тактичность. К сожалению одним из воспитателей младших классов, был некий глупый самодур Карлов. Училище Правоведения было привилегированное закрытое учебное заведение, с двойным курсом преподавания — гимназическим и университетским. Первые четыре класса VII, VI, V и IV были гимназические, а III, II и I — университетские. Классы младшего и старшего курсов помещались в двух громадных смежных залах, отделявших одна другую широкою дверью. Они были расположены подряд, с левой стороны от входа в залу, по которой, для наблюдения за порядком, ходил дежурный надзиратель. В классе, когда за не прибытием преподавателя, не было урока, двери, обыкновенно, оставались открытыми, чтобы надзиратель мог видеть, чем занимаются воспитанники; по отношению к детям младшего возраста это, может быть и имело основание, но применять такую меру к четвероклассникам, которые через полгода должны были уже быть на правах студентов — было более чем странно. И не помню, чтобы кто — нибудь на этом настаивал.

Случилось, однако, что в дежурство Карлова, в четвертом классе не было какого — то преподавателя, двери были прикрыты, воспитанники тихо и мирно беседовали между собой, а некоторые занимались чем хотели. Проходя мимо Карлов, не говоря ни слова, открыл двери; кто — то из воспитанников опять притворил их; через несколько минут, продолжая прогулку, заметив это, вместо того, чтобы спокойно и вежливо просить не затворять дверь, грубо, возвышая крикливый свой голос, заявил, что требует, чтобы дверь была открыта. Но не успел он отойти, как один из проказников, некий Кудревич, подскочив громко прихлопнул ее. Услыхав это, Карлов возбужденный влетел в класс, требуя назвать воспитанника, совершившего такую дерзость, в противном случае он угрожал тотчас же доложить об этом директору. Подвергать Кудревича строгой ответственности за его выходку нам не хотелось, поэтому после совещания, воспитанники попросили меня и другого товарища, фамилию которого не помню, подойти к Карлову и объясниться с ним по этому поводу. Исполняя поручение класса, мы почтительно передали ему от имени всех воспитанников сожаление о случившемся, не скрывая, что мы, с своей стороны, тоже обижены его обхождением с нами, и убедительно просим не придавать серьезного значения этой истории. Он продолжал настаивать, чтобы мы назвали фамилию дерзкого

воспитанника. На это мы ему основательно заметили, что если совершивший какой — нибудь проступок, сам не сознается в нем, то товарищеская этика не позволяет выдавать его, какие — бы последствия нам не угрожали. В результате этого ничтожного происшествия весь класс был лишен отпуска и большинству воспитанников сбавлены баллы за поведение, с предупреждением, что за дальнейшие проступки виновные подвергнутся более строгому взысканию. Сильно взволнованные таким несправедливым отношением начальства, которому ничтожный, малокультурный Карлов вероятно доложил весь этот инцидент в превратном виде, класс решил при первом удобном случае устроить ему скандал. Лишенные отпуска воспитанники, собрав по подписке небольшую сумму денег, при посредстве, посетивших их родственников и дядек, доставивших им разного рода закусок, устроили, традиционную в таких случаях пирушку. На беду, с одним из воспитанников, от неумеренной еды и выпивки, сделалось дурно и кроме того на беду ночным дежурным надзирателем в дортуарах оказался Карлов, появившийся, когда мы уже улеглись в постели. Его появление вызвало всеобщий крик: «Вон, вон!» Говорили, будто, раздавались и ругательства, но я сомневаюсь в этом. Карлов от перепуга бросился вызывать инспектора и директора. Генерала Языкова не было дома, а явившийся Алопеус застал полный порядок и тишину. Такие скандалы, благодаря бестактности слишком ретивых воспитателей и надзирателей происходили и прежде, без серьезных последствий. Но на этот раз мудрый синедрион, не вникнув в суть скандала, и не расследовав главных виновников его, вынес жестокосердный приговор об исключении из училища, если не ошибаюсь, пяти человек, и в том числе, ко всеобщему удивлению, и меня, которого недавно благодарили за благонравие и примерное поведение. Этот абсурд не поддавался никакому объяснению. Если даже допустить, что такому самодуру, каким был директор Языков, могло не нравиться отсутствие в моем характере заискивания и низкопоклонства, и что воспитаннику моего возраста не подобает проявлять чрезмерного самолюбия и чувства собственного достоинства, то, в таком случае, какую жалкую роль сыграли инспектор и большинство членов ареопага, которым мое корректное поведение было хорошо известно. Такая вопиющая несправедливость до глубины души возмутила и оскорбила меня. Мысль, что я этим печальным известием нанесу, чуть ли, не смертельный удар моей матери, возлагавшей на меня самые светлые, радужные надежды, приводила меня в отчаяние. Будь я иного склада ума и характера, то мог бы навеки погубить себя. Под этим тяжелым впечатлением, поневоле, водворившись у тетки, сестры моей матери Марии Дмитриевны Фалеевой, муж которой занимался биржевыми спекуляциями; по видимому не всегда удачными, я тотчас же написал очень пространное письмо моей дорогой матери, изложив все обстоятельства этого возмутительного и вместе с тем печального происшествия, умоляя ее не тревожиться и не беспокоиться насчет моей будущности. Несколько оправившись от нанесенного мне удара, я невольно приходил к сознанию, что не стоит сокрушаться и печалиться о выходе из училища, где неправда, произвол и самоуправство, под гнетом которого воспитывается целое поколение молодежи, могут губительно повлиять на неустойчивые умы и сердца многих из них, и

образовать тип черствых педантов, эгоистов и формалистов, не стесняющихся для достижения карьеры никакими средствами.

Тем временем в ожидании от матери письма и денег для выезда, оставаясь в Петербурге, меня часто посещали товарищи, высказывая самую искреннюю дружбу и сердечное расположение. Некоторые уверяли, что если бы я сам, или кто — либо из моих родных обратились к директору с просьбой переменить его гнев на милость, то он наверное, принял бы меня обратно, так как, будто бы он убедился, что я вовсе не более других виновен в Карловской истории. Но я им самым чистосердечным образом заявил, что никогда, ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах не согласился бы вернуться в училище, начальство которого так бесчеловечно поступили со мной. Получив от бесценной матери нежный, ласковый ответ и деньги, а также трогательное сердечное письмо от двоюродной сестры Марии Петровны Селецкой, извещавшей, что мое послание произвело всеобщее восклицание родных и знакомых, с нетерпением ожидающих моего приезда, чтобы встретить меня с распростертыми объятиями, заручившись свидетельством, выданным мне, что я не исключен, а выбыл из IV класса училища правоведения с хорошими отметками по всем предметам гимназического курса, я немедля выехал в Киев. Таким образом, если бы не этот злополучный эпизод, заставивший меня покинуть Петербург, я бы благополучно окончив училище, и как многие бывшие мои товарищи, блуждая по провинциальным городам и весям матушки России, подвизался бы по торной дороге Министерства Юстиции, не имея к тому ни малейшего призвания. С переездом в Киев начинается новая эпоха моей жизни, которая принесла много сердечных радостей, увлечений и привязанностей. Очутившись на Родине, которую очень любил и отчаянно грустил; среди многочисленного круга близких, сочувствующих и симпатизировавшим мне родных, как с отцовской, так и с материнской стороны, я в буквальном смысле слова, ожил. А решение моей матери провести зимний сезон в Киеве, привел меня в восторг. Она поселилась в очень хорошей квартире аристократической части города «Липки». При ней в то время была старшая дочь, Варвара, и подросток, сын Митрофан, подготовлявшийся для поступления в гимназию; младшая же дочь, Мария, воспитывалась у брата матери, Петра Дмитриевича Селецкого, тогдашнего Вице — Губернатора и неперемного члена хозяйственного совета Киевского института благородных девиц, вместе с его тремя дочерьми: Марией, Екатериной, Ниной. Ими руководила немолодая, умная, образованная и вполне достойная, что нечасто бывает, парижанка. Дядя, Петр Дмитриевич, занимал прекрасную квартиру в доме, принадлежащему институту, был камергером и, по своему официальному и общественному положению, пользовался большим почетом и уважением. Знаком был со всем городом, благодаря чему и моя мать приобрела обширный круг приятных симпатичных знакомств. Между его семьей и нашей установились самые дружественные и родственные отношения, которые с течением времени, не обошлись без некоторого флирта.

Когда моя младшая сестра Машуня, очень способная, умная, бойкая девочка достигла возраста, требовавшего более серьезного образования, ее одновременно с кузиной Катей Селецкой, определили в институт, где в то время преподавали

известные профессора: Шульгин, Рененкамер, Судовщиков и другие. К тому же Шульгин был инспектором, а директрисой была важная старуха Голубцова, пользовавшаяся большим престижем в высших сферах; обращавшая большое внимание на хорошие манеры воспитанниц и на знание ими французского языка. И так как и сестра и кузина были в этом отношении прекрасно подготовлены, то и пользовались всегда ее особенным расположением. Научные занятия сестры были также настолько успешны, что она окончила институт с медалью. Что касается меня, то ввиду того, что программа четвертого класса училища правоведения не вполне согласовывалась с гимназической, мне для поступления в университет, пришлось держать дополнительный экзамен по некоторым предметам, поэтому я серьезно принялся за занятия, и, чтобы не слишком развлекаться светскими удовольствиями, приискал себе, две небольшие комнатки за умеренную цену, в которых поселился вместе с деревенским мальчиком, присланным отцом для моих услуг. Таким образом моя подготовка к экзаменам шла довольно успешно, и я был принят на юридический факультет Киевского университета. Причем на дополнительном экзамене по литературе и словесности у профессора Селина, нужно было в аудитории, в его присутствии, написать сочинение на одну из тем, назначенных экзаменационной комиссией. Я выбрал для своего сочинения Грибоедовского «Горе от ума», которым всегда восхищался и многие выдержки из него знал на память. Селину чрезвычайно понравилось, как мое ясное изложение, так и правильная оценка этого замечательного произведения; поэтому он выразил свое сожаление, что я поступаю на юридический, а не на филологический факультет. Тем временем моя мать, выводя в свет старшую дочь, Варвару, очень красивую, но своеобразную и прихотливую девушку, имея обширные знакомства и принимая у себя по субботам, вела открытую светскую жизнь, в которую и я, невольно, но неизбежно постепенно втягивался; и очень скоро сделался одним из желательных членов юной молодежи.

Кроме Селецких, наиболее близкая родственная для нас семья, проживавшая в Киеве, была семья Ивана Яковлевича Лукашевича. О его богатстве и роскошных деревенских приемах я уже, кое что, сообщил. К характеристике его могу прибавить, что он был известный крупный коллекционер по всевозможным отраслям искусств и художеств. Он собрал обширную ценную библиотеку книг, журналов, редких рукописей; большую коллекцию картин, старинных икон, разного рода серебряных изделий: потир, кружек, ковшей, кубков и других предметов. Женившись на Пелагее Александровне Иваненке, постоянным местожительством их было село Крупское, но они посещали и другое имение с. Кононовку, в котором летом проживала его мать, почтеннейшая старуха София Моисеевна, с многочисленным штатом приживалок. В последние годы жизни, заболев тяжелой тяжелой болезнью, он с женой поселился в Киеве, где лечился у известных местных знаменитых врачей — Меринга Евгения Афанасьева. Но они не могли спасти его; так как он заживо разлагался. Его кончина, хотя и не была неожиданной, тем не менее произвела большую сенсацию. Многих интересовал вопрос, как он распорядился своим колоссальным состоянием вообще и в частности громадным разнообразным движимым имуществом и значительными

наличными капиталами в золоте и серебре, большинство которых, будто бы хранились им в Кононовке, в разных сокровенных местах. Его торжественно похоронили в части города, называемой «Приорки», рядом с могилой первой супруги Варвары Гавриловны. Извещенный о его смерти телеграммой отец его второбрачной жены, Александр Александрович Иваненко, говорят, тотчас же полетел из г. Переяслава в Кононовку, где заперлись в жилых комнатах Ивана Яковлевича, всю ночь рылся во все столах, сундуках и шкафах. Такие некорректные, не законные его действия вызвали упорные слухи о не безгрешности его усердия; так как в результате оказалось наличных денег гораздо меньше, чем предполагали. Очутившись молодой, красивой, умной, но своеобразной вдовой и мачехой трех падчериц, Пелагея Александровна, вскоре после смерти мужа, произвела на свет дочь, названную Зинаидой. Как это событие, так и сознание, что ей трудно справиться с воспитанием трех падчериц, из которых старшая София, уже стремилась выйти замуж, она сама решила первые годы жизни своего ребенка провести за границей; то поэтому возник серьезный вопрос: где, как и кому поручить дальнейшее воспитание и образование дочерей Ивана Яковлевича. И так как после его смерти, опекунов над его громадным имуществом и его несовершеннолетними дочерьми, по Высочайшему повелению был назначен родственник Лукашевича жандармский полковник Ф.Ф. Трепов, то Пелагея Александровна обратилась к нему с просьбой указать: кому можно было бы поручить попечение о его падчерице. Своей стороны она полагала, что эту роль лучше всего могла бы выполнить их тетка — Аделаида Дмитриевна Вишневецкая. То есть моя мать. Эта мысль очень понравилась Трепову, который хорошо зная мою мать и отца Дмитрия Петровича Селецкого, уговорил ее принять на себя заботу и попечение о воспитании, образовании двух ее племянниц: Лизы и Насти Лукашевич. Старшая же Соня была уже невестой и вскоре вышла замуж за разорившегося дворянина Прилужского уезда, Полтавской губернии; отставного гусарского офицера, циника, вряля и пустомеля, Сергея Александровича фон — Риттера, причем сама Соня — некрасивая, с дурным характером, тоже не являлась идеальной особой, и поэтому ничего путного из такого скоропалительного несуразного брака — не могло выйти и не вышло. О их совместной супружеской жизни ходило много курьезных анекдотов, в правдивости которых я, впоследствии лично убедился. Что же касается прекрасных, юных — Лизочки и Настуни, то моя мать не имела оснований отказать приютить их у себя и наблюдать за их воспитанием и образованием, ко всеобщему удовольствию мачехи, опекуна и почтеннейшей бабушки Софии Моисеевны, обожавшей своих внучек и относившейся с

*Аделаида Дмитриевна Селецкая - мать
Г.И. Вишневецкого*

большим уважением к моей матери, которая, как добрая умная, сердечная особа, имевшая собственную большую семью, сделалась для них любящей, заботливой матерью. Моя дружба и симпатия к этим кузинам проявилась с первых дней моего переезда в Киев, посещая их в институте, где они тогда находились, а также встречаясь с ними у бабушки Софии Моисеевны, куда их отпускали по воскресеньям и праздникам, которая и ко мне относилась очень ласково и приветливо, моя привязанность к ним все более и более увеличивалась. А когда в следствие серьезных эпидемических заболеваний, угрожавших им смертью, их взяли из института и окончательно переселили к моей матери, где они, в новой обстановке, очень скоро поправились и до не узнаваемости сделались, в полном смысле слова, красотками, я был их неизменным другом и поклонником. Ф.Ф. Требов, получив назначение в Варшаву, а затем сделавшись всемогущим петербургским градоначальником, разумеется, не мог лично заведывать опекуном управлением наследников И.Е.Лукашевича, и потому назначенный ему соопекун мелконаместный дворянин Пирятинского уезда, Александр Васильевич Богданович, фактически сам управлял и распоряжался всем недвижимым и движимым имуществом наследников. Не подлежит сомнению, что как сам Трепов, так и Богданович находились под давлением и влиянием мачехи и ее отца Ал. Ал. Иваненки, тогдашнего предводителя Дворянства Переяславского уезда и родственника Трепова; поэтому произведенный ими раздел, оценку и передачу имущества наследникам — нельзя признать вполне беспристрастным; так как два лучших имения по доходности, благоустройству, и удобству для жизни были: Крупская — Золотоношского уезда и Кононовка Пирятинского, с прекрасными усадьбами и постройками, оба перешли в собственность мачехи и ее дочери Зинаиды. Большое Екатеринославское имение с. Сергеевка в размере одиннадцати тысяч десятин земли было передано двум старшим дочерям: Софии и Елизавете пополам. А Настасью Ивановну наделили самым плохим, бездоходным не развернутым имением Переяславского уезда при местечке Борисполе и хуторе Григовка, и небольшим имением Золотоношского уезда Полтавщины. Да притом еще и с исками крестьян, доказавшим свои права на все земли; почему и самая передача ей этого имения затянулась на продолжительное время. Принимая на свое попечение Лизу и Настю, моя мать вошла в соглашение с опекуном с Богдановичем относительно отпуска на их содержание и личные потребности: необходимой суммой денег, в которых она, по мере расходов денег отчитывалась. Таким образом все устроилось ко всеобщему желанию и удовлетворению.

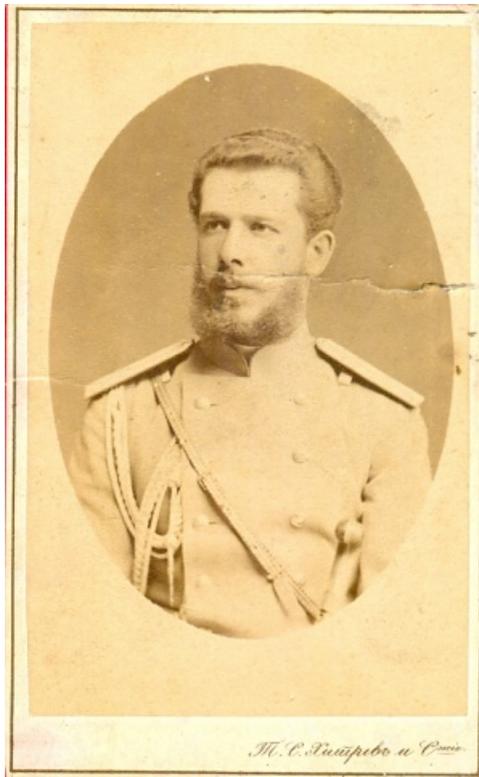
Как юный идеалист и любитель природы, искусства, поэзия, музыки, пения всего изящного и прекрасного; отличаясь скромностью, деликатностью, застенчивостью; вращаясь в круг моих многочисленных родственниц, у которых пользовался большим успехом, я не мог не увлекаться теми, к кому влекло меня мое влюбленное сердце, а оно трепетно желало взаимности утешения и любви. К числу наиболее близких родственников принадлежали семьи: моего брата Андрея Ивановича, дяди Селецкого и теток — Софии Дмитриевны Бразоль и Надежды Дмитриевны Глебевой, с которыми имели самые тесные интимные отношения. Точно так же были очень дружны симпатичными семействами:

Тамар, Милорадовичей, Крупских, Синельниковой, Раковичей, Савицких, Мерингов, Волховских, Закревских, Юзефовичей и многих других, где приятно и весело проводили время. Затем у нас установились очень хорошие отношения и с официальным миром гражданского, военного, судейного и учебного ведомств, представители которых старались оживить общественную жизнь, устраивая приемы, благотворительные балы, спектакли, концерты, лотереи. Киев в то время являлся таким притягательным центром с его прекрасными оперой, драмой, опереттой и симфоническими концертами, выставками, куда съезжались на зиму многочисленные помещики Киевской и соседних губерний; а на время «контрактов» он наполнялся до крайних пределов, превращаясь, в какое — то взбаламученное море.

Мой брат Андрей Иванович, будучи молодым человеком, поступил на службу в качестве помещика мирового наместника в Киевском уезде, где познакомился с владельцем имения «Зиграчи» отставным полковником Гавриилом Петровичем Репиным и его супругой Софией Климентьевной в высшей степени симпатичной, добрейшей старушкой, из польского рода Козаковских. У них проживала прекрасная дочь, молоденькая вдова Екатерина Гавриловна Широкова, с годовым сыном Николаем. Часто посещая их, мой брат влюбился в нее, и как во всех отношениях порядочный человек, сумел понравиться родителям и настолько покорить сердце вдовушки, что она согласилась выйти за него замуж. Этот брак был одним из счастливейших. Они прижили трех сыновей и одну дочь. Младший сын, болезненный хилый ребенок, в раннем детстве умер; а два старших: Гавриил и Александр прекрасно воспитанные родителями, окончив классическую гимназию и университет по юридическому факультету, очень скоро, как в служебном так и в общественном отношении приобрели вполне заслуженные симпатии и расположение. Гавриил Андреевич женился на вдове с двумя дочерьми, Екатерине Викторовне Шталь, которая моему брату не особенно нравилась. А Александр Андреевич женился на симпатичной, интересной девице Ксении Корнилиевне Суфчинской, дочери помещика Волынской губернии. Оба племянника бездетны. Дочка моего брата Марья Андреевна, тоже милейшая, сердечнейшая, энергичнейшая особа. Она имеет сына, очень способного молодого человека от первого мужа, симпатичного Георгия Александровича Мейера, после смерти которого вышла замуж за дельного, сведущего полковника генерального штаба Сливинского. Я всегда был дружен с семьей этого брата и от души оплакиваю смерть стариков и разлуку с молодежью. Андрей Иванович, выделив своих детей и пасынка Николая Широкова сам с необыкновенно безгранично преданной, доброй, достойной швейцарской бонной детей, Марией, Лаизой и прислугой, переехал в Ниццу, где приобрел небольшую, хорошенькую виллу, в которой безвыездно, с удовольствием провел последние годы своей жизни.

Второй брат, Дмитрий Иванович лихой офицер Елисаветградского гусарского полка, красивый, добрый малый, всю свою молодость проживший в Золотоношском уезде Полтавской губернии. Имел большой успех у местных обитательниц прекрасного пола; что не помешало ему однако жениться на дочери помещика этого уезда, Марии Густавовне Меринг, умной, интересной девице,

имевшей успех, выезжая в Киеве. От этого брака у них родились две дочери: Мария и Аделаида и сын Сергей. Старшая дочь и сын оказались болезненными и неудачливыми, младшая же, Аделаида — милая и интересная. Она вышла замуж за дельного, умного, симпатичного инженера Бориса Александровича Шталя, и они очень счастливы и довольны друг другом.

*Молодой Митрофан Иванович - брат
Ивана Гавриловича Вишневого*

Милый юноша, окончив Киевский кадетский корпус, поступил в Елисаветградское юнкерское кавалерийское училище, где, не за долго до производства в офицеры, во время верховой езды, вместе с лошадью, так неблагоприятно упал и ушиб себе голову, что врачи признали у него сотрясение мозга, которое требовало серьезного лечения, полнейшего продолжительного спокойствия и безусловного запрещение когда — либо поступить на военную службу. Несколько лет безмятежной деревенской жизни при родителях, хотя и восстановили его здоровье и силы, но тем не менее, некоторые признаки перенесенной им болезни обнаруживаются до сих пор. Младший мой брат Владимир Иванович, представлял из себя большого оригинала. Он был неунывающий россиянин, несмотря на бурную, неугомонную юность, всевозможных служебных неудач и амурных походов, не злой, но взбаломочный и азартный, он, как ветеран Ахтырского гусарского полка, пользовался сред товарищей и солдат авторитетом и престижем. Очень любил солдатские и народные песни и прибаутки, был необыкновенно ловким и артистически искусным танцором казачка и трепака. Долго командовал лихим эскадроном полка и в последнюю турецкую войну награжден был золотым

Любимец матери Митрофан Иванович, повел свою жизнь неудачно; послужив некоторое время в Елисаветградском гусарском полку, а затем в полевом жандармском эскадроне; выйдя в отставку. Дни и ночи проводил в клубе, играя в азартные игры, сошелся с какой — то шансоньеткой, обобравшей его, а затем с более скромной и порядочной особой, полюбившей его, некоей, Варварой Ефимовной, которая через некоторое время, родившая премиленького сына, закрепила до такой степени свою связь с ним, что он женился на ней. Проиграв и растратив все свое состояние, он очутился в безвыходном положении. Чтобы вывести его из такой беды, я предложил ему с женой и с усыновленным сыном, Александром, моим крестником, поселиться в фарбованском флигеле на моем иждивении. И вместе с тем начал хлопотать, чтобы его назначили земским начальником в Пирятинский уезд, что к счастью и удалось достигнуть. Его сын Александр, очень симпатичный, скромный

оружием. Дослужившись до чина полковника — заболел и умер, обобранный своей сожительницей, которая много лет водила его за нос и обманывала.

Что касается сестер, то судьба Варвары Ивановны сложилась более чем неудачно. Будучи красивой, представительной, она считала себя настолько обольстительной, что была уверена, что появление ее в свете, вызовет не только восхищение, но без сомнения, пленит какого — нибудь принца крови, который повергнет к ее стопам свое сердце. Проведя, однако, зимний сезон у тетки Софии Дмитриевны Бразоль, прожившей в то время в Петербурге, она скоро убедилась в нищете своих надежд и упований. Вместо волшебного принца, претендентом на обладание ею, явился Кавказский князь Цициан, владелец, как говорили, стада баранов на своей Родине. Так дешево продать свою свободу ей не хотелось; тем более, что был и другой ухаживатель, некий Золотов, фамилия которого, по — видимому, согласовывалась с его материальным положением, но он был так мал ростом, по сравнению с нею, что ей казалось смешным выйти за него замуж; поэтому и с его ухаживаниями ничего не вышло. Вернувшись в Киев, она лето провела Фарбоване, а осенью с разрешения матери уехала в Ниццу, где проживали наши родственники. Там она довольно удобно, хорошо и дешево устроилась, приобрела много знакомых, оказавших ей внимание и участие, и если бы не увлеклась рулеткой, посещая Монте — Карло, то получая от меня сто рублей в месяц, процентов накопила в пятнадцать тысяч рублей, завещанные ей отцом и находившиеся в моем пользовании, она могла бы скромно, но с удовольствием ежегодно, проводить три — четыре зимних месяцев в Ницце, а затем возвращаться домой. Но пристрастившись посещать Монте — Карло, проигравшись, наделавши массу долгов, она постоянно писала слезные письма, умоляя прислать ей аванс из причитающегося капитала, что по необходимости приходилось исполнять не доводя ее до отчаяния. Такие требования совсем расстроили ее здоровье, и она после нескольких лет безвыездного пребывания в Ницце наконец приехала в Фарбовану, где наша семья уже пользовалась летним отдыхом, и через несколько дней по приезде, скоропостижно без особых страданий скончалась.

Младшая сестра Мария Ивановна, не будучи красивой, благодаря исключительно блестящим качествам ума, сердца, характера, пользовалась всеобщим уважением, восхищением и поклонением. В нравственном моральном и умственном отношении она была чистейшим кристаллом. Проникнутая глубокими христианскими чувствами любви и правды, она была неизменной вестницей добра и сострадания для страждущих. Выйдя замуж по сердечному влечению, за вполне достойного, образованного, серьезного человека Аркадия Ксенофоновича Прибыльского, служившего в Сенате, с которым прожила всего около двух лет, так как он к несчастью заболел и умер.

*Мария Ивановна Прибыльская, сестра
Гавриила Ивановича Вишневого (см.
предыдущее фото) с сыном Дмитрием.*

От этого брака у нее родился сын Дмитрий, обожая которого, она всю себя посвятила его воспитанию и образованию, а затем до конца жизни уделяла ему и его семье безграничные заботы и попечения. Несмотря на многочисленных завидных по своему служебному положению, и достойных поклонников, добивавшихся ее руки и сердца, она решительно отказывалась вступить во второй брак. Но имея обширный круг влиятельных друзей и почитателей, с которыми вела нескончаемую переписку, всегда старалась оказывать поддержку и помощь, заслужившим этого. Сын ее вполне оправдал ее надежды и упование; нежно любя и утешая свою мать, он был честным, благородным человеком. Она очень одобряла женитьбу его на дочери популярного присяжного поверенного Владимира Николаевича Герарда. Татьяне Владимировне — умной, образованной, светской, привлекательной молодой девушке, которую сердечно полюбила, от внука и внучек была в неопisanном восторге.

После женитьбы сына, переехав на жительство к нам, с которым была в самых дружеских родственных отношениях, до самой смерти своей, 20 октября 1919 года, поразившей нас неожиданностью, делила с нами и радости и горе. Приводимое мною воспоминание о ней только в слабой степени обрисовывает ее необыкновенную личность.

«Много печали, грусти и тоски
Мне причинила смерть моей сестры;
Своим умом и добротой
Она сияла лучезарною звездой.
Вся семья горячо ее любила
И глубоко достоинство ее ценила.
Благодаря способностям и прилежанью
Она приобрела очень много знаний,
И, довершив солидное образование,
Обращала на себя внимание.
Отличаясь милосердием,
Светлою, чистой душой,
Она кротостью и смирением
Всех покоряла любовью святой.

Бедняки ее боготворили,
Они с надеждой и упованием
За помощью к ней приходили,
И, встретив ласки и участие,

Молили Бога послать ей счастье.
Проведя всю жизнь в тревогах и волнениях
О тех, кто ей всем сердцем дорог был,
Этот ангел в своих молениях
И нас, без сомнения не забыл».

Близкая, родная нам семья Селецких, как я уже говорил, состоявшая из дяди Петра Дмитриевича и двух его дочерей Марии и Екатерины, не отличавшиеся красотой, но представительных, не глупых, образованных девиц, имели успех и ухаживателей. Мария - симпатией которой я пользовался, меня не увлекала; она затем перевела свое расположение на другого двоюродного брата, Григория Евгеньевича Бразоля, за которого вышла замуж и была с ним вполне счастлива, детей у них не было. Катя была более интересна и кокетлива; и до выхода замуж флиртowała со мной. В замужестве ее принимало большое участие ее мать. В то время появился в Киеве граф Николай Морицович О' Рурк. Представительный вдовец зрелого возраста, отставной морской офицер, с солдатским Георгиевским крестом, получивший образование за границей у немецких родственников Швобсов, гордившийся происхождением, будто бы от учащего рода шотландских королей, элегантный, хороший танцор с пышными коками и баками; не богатый, но без средств к существованию; одним словом, светский и приятный во всех отношениях для общества человек, имевший право надеяться покорить сердце какой — то богатой невесты. С нашей семьей он быстро познакомился, со мной подружился, за сестрами ухаживал, был постоянным посетителем нашего дома, но в качестве жениха для них — не фигурировал, так как приданое моих сестер было слишком скромное, всего по пятнадцати тысяч рублей. Попытка же его посватать богатую, но малоинтересную дочь, крупного помещика Закревского, Юлию Платоновну, не увенчалась успехом. И вот он обратил свои взоры на Катю Селецкую, которая должна была получить в приданое от отца половину прекрасного имения «Отрада», с чудной усадьбой и ничего не имела против того, чтобы сделаться графиней. Петру Дмитриевичу, однако, О' Рурк не нравился, тем более, что он настаивал, чтобы обещанное приданое Катерине Петровне, было ей немедленно выделено. Моей матери, принимавшая самое деятельное участие в этом браке, удалось убедить своего брата согласиться на осуществление его, который и совершился 29 июня 1869 г. в «Отраде» при большом съезде родных и соседей, довольно торжественно и парадно. Хотя этот брак не был из числа идеальных, счастливых, так как строптивый, придиричивый, педантичный характер Николая Морицовича часто тяготил его жену и она приезжала жаловаться на него моей матери, тем не менее, она прожила свой век без крупный недоразумений, имели трех сыновей, из которых младший умер ребенком, и трех дочерей. Старший — Николай, мой крестник, два раза женатый, не блистал достоинствами, имел сына, от первого брака — очень неудачного, со всевозможными хулиганскими наклонностями; служил некоторое время в военной службе, заболел полу параличом, лишился голоса и только благодаря

заботам второй жены — не погиб окончательно. Давно скрывшийся его сын, неизвестно где находится, и что делает. Второй сын — Николай Морицович О' Рурк — Александр, дельный, умный, практичный, определенный родителями в пажецкий корпус, прослушав младший курс вышел из корпуса и благодаря способностям усердию и настойчивости, за год подготовился к поступлению в инженерное училище путей сообщения, где прекрасно окончил курс и до настоящего времени занимает видный, ответственный пост на Николаевской железной дороге. Женился на очень милой дочери генерала Савича, имеет несколько малолетних детей, и овдовевши — недавно вступил во второй брак.

Судьба дочерей О' Рурков полна разными приключениями. Старшая — Марья Николаевна Тарновская, Манюня, как мы ее называли, прославившаяся по делу убийства графа Комаровского, далеко не красавица, но видная, обстоятельная шикарная особа, имел несчастье связать свою жизнь с таким циничным, распутным прощальгой, каким был Василий Васильевич Тарновский. При красивой наружности, чудном голосе, большом нахальстве, он имел колоссальный успех у порочных замужних женщин и у похотливых девушек. Поэтому легко покорило сердце Манюни и содействием таких же шалопаев, как он, несмотря на бдительный надзор за нею, ловко устроил похищение и бегство с нею в ближайшую от Киева усадьбу одного из своих приятелей, где все было подготовлено для венчания и бракосочетания. А затем, как ни в чем не бывало, на следующий день явился к ее родителям с повинной. Женившись, комфортабельно обставив свою квартиру, он вместо того, чтобы прекратить безалаберную холостую жизнь, и завязать хорошие отношения с приличным киевским обществом жениных и своих родственников, с места в карьер втянул жену в такую праздную беспорядочную разгульную жизнь, ежедневно устраивая у себя ночные кутежи и попойки с участием приятелей и разного рода искателей приключений, что при ее легкомыслии и неустойчивости, не могло не произвести на нее растлевающего действия. Поэтому на нем вполне оправдалась поговорка : «что посеешь — то и пожнешь». Из такого комичного брака, разумеется ничего хорошего не вышло. Произведя на свет сына и дочь, они, при своем образовании не могли умело, заботливо, разумно воспитывать их. Очень красивый сынок, Васюк, уже в юном возрасте имел дурные наклонности и впоследствии, подружившись со своим двоюродным братом Николаем О' Рурком, превзошел отца в неблагоприятных похождениях, сделавшись отчаяннейшим хулиганом. Дочь Соня настоящая красотка, будучи прелестным подростком, после предания в Италии суду и осуждения матери, принятое теткой Софией Васильевной Глинкой, на свое попечение, подавала надежды, что ее судьба будет счастливее материнской. Но неожиданная смерть С.В. Глинки, таившаяся в ней родительская наследственность, сделала то, что она очутившись без руководства и надзора сошлась с каким — то ловким жидком гражданским, в то время входившем в моду, браком, который, однако, говорили недолго продолжался, так как она скоро бросила моего возлюбленного, и теперь где — то скитается.

Вторая дочь О' Рурков, Ольга Николаевна (Олеса) была красивая, умная, когда нужно приветливая, прилично кокетливая особа, настолько практичная, что решила выбрать из числа своих поклонников такого, который устроил бы ей

комфортабельную удобную жизнь. Таким оказался тоже практичный человек, сосед по имению, Митрофан Кириллович Катеринич. Ему по — видимому, больше нравилась Марья Николаевна, за которой он безуспешно ухаживал, но затем решил, что Ольга Николаевна, пожалуй, будет для него даже более полезной и желательной супругой, и в этом он не ошибся, почему и начал ухаживать за ней. Сам он был сын от второго брака Кирилла Осиповича Катериничи, богатого помещика Пирятинского уезда, бывшего уездного предводителя дворянства и его супруги Марьи Петровны Шимковой, родившимся во время пребывания Императора Александра II в Пирятинском уезде, где имея ставку во дворце имения «Тепловки» князя Михаила Михайловича Долгорукова, женатого на моей тетке Вере Гавриловне.

Государь проводил смотр войскам, сосредоточенным в Полтавской губернии. Пользуясь этим случаем, она возбудила ходатайство перед Государем Императором быть крестным — отцом ее новорожденного сына, на что он всемиловитейше изъявил согласие. Наши Цари никогда никому не отказывали в такой просьбе. Государь, оставшись доволен смотром и своим пребыванием в Тепловке, выразил желание, чтобы обе дочери Долгоруковых : Екатерина и Мария Михайловны были привезены в Петербург и определены на его счет в Смольный институт, что и было в точности исполнено и имело последствия, о которых мне, вероятно, придется упомянуть несколько слов в другом месте. Митрофан Кириллович, тем временем, вырос, поступил юнкером в Ахтырский гусарский полк и произведенный в офицеры, был некоторое время адъютантом у начальника кавалерийской дивизии, а затем, выйдя в отставку, в качестве гласного Пирятинского уезда, принимая участие в уездном губернском земском собрании, проживая в своем имении, в «Поповке», полученным по наследству от отца, приобрел много друзей и знакомых среди помещиков, и посещая часто О' Рурков в «Отраде» сделал предложение Ольге Николаевне, получил согласие и женился на ней. Причем, я был не посаженным отцом, Николай Морицович О' Рурк, будучи популярным, хлебосольным, бессменным, в течение многих трехлетий предводителем, не питая особого расположения к своему зятю, подозревал его в подпольных интригах, чтобы самому сделаться предводителем дворянства, не думаю, чтобы у него были для этого какие — нибудь основания, но несомненно Катеринич был рад, что его тесть, наконец, добровольно покинул свою полезную предводительскую деятельность, очистив ему путь для занятия этой должности и для дальнейшей его карьеры. Избранных на ближайших выборах Пирятинским предводителем и пробыв в этой должности не полных два трехлетия, он при содействии влиятельной в петербургских сферах сестры Ольги Кирилловны, по мужу графини Милорадович, получил назначение Вице — губернатора в Полтаву, а затем очень скоро губернатором в Харьков, награжден был званием камергера, немного погодя, Гофмейстера и разными другими милостями, не имея ни высшего образования ни талантов, он отлично понимал, что своей скоропалительной карьерой он обязан, кроме сестры, чуть ли не больше супруге, которая успела очаровать министра императорского Двора графа Фредерикса, и состоявшего при императрице Марии Федоровне — князя Шерванидзе, чем искусно воспользовалась для удовлетворения своего

честолюбия. Особенно нежных, любовных супружеских отношений друг к другу они не питали. Возможно, что различие темпераментов, его же юный возраст и обоюдные болезни и недуги были причиной этого. Но дело в том, что очень скоро после его неожиданной кончины, ее утешил какой — то казачий полковник, фамилию которого не помню, за которого говорят вышла замуж и теперь здрава и невредима.

Третья дочь О' Рурков, Зоя Николаевна, бойкая, миловидная девушка, проживавшая у сестры Ольги в Харькове, была заподозрена ею в проявлении слишком больших симпатий к ее мужу, что ей не нравилось. Поэтому она решила отделаться от нее, сосватав Зою с незнакомым князем Голицыным, который хотя и был очень уродлив, но отказываться выйти замуж за такого хорошего, материально обеспеченного титулованного человека, как Голицин, по ее мнению, во всяком случае, было неблагодарно. В чем и успела убедить сестру. Семейная их жизнь и взаимные отношения мне не известны. По слухам она разошлась через некоторое время и вступила, будто бы в брак с каким — то богатым американцем. Со стариками О' Рурками я до конца их жизни сохранил дружбу и расположение.

Симпатичная семья моей добрейшей почтеннейшей тетушки и крестной матери, Софии Дмитриевны Бразоль, мужа которой я не знал, состояла из трех сыновей: Сергея, Григория и Льва Евгеньевичей, и трех дочерей: Елисаветы, Марии и Ирины. Все они получили прекрасное воспитание и образование, и в материальном положении хорошо обеспечены. Из них, Сергей Евгеньевич, как земский и общественный деятель, пользовался вполне заслуженным уважением и популярностью, несколько трехлетий избирался Полтавским губернским предводителем дворянства и, как представитель от этого дворянства, состоя членом государственного совета, дослужившись до звания гофмейстера Высшего Двора. В семейном положении он был прекрасным мужем и отцом. Второй сын, Григорий Евгеньевич, был также очень добрый, милый, хороший человек. Благодаря этому, пользовался большим расположением Зеньковских дворян, которые несколько трехлетий избирали своим предводителем. Имел звание Камергера. Был женат на двоюродной сестре Марии Петровне Селецкой, с которой прожил мирно, тихо, безмятежно, не имея детей, а симпатичнейший, умный талантливый доктор медицины, гомеопат, Лев Евгеньевич, был всеобщим любимцем родных и знакомых. К сожалению судьба его не баловала. Казалось бы, что при его необыкновенно кротком деликатном характере, его жизнь должна была сложиться самым благоприятным образом. Однако, первая его женитьба была настолько неудачна, что пришлось расторгнуть ее, несмотря на двух прекрасных сыновей от этого брака, а затем неожиданная смерть любимой и обожавшей его второй жены, причинили ему массу душевных терзаний и страданий. Из дочерей Елисавета Евгениевна Величко, симпатичная, достойная, примерная жена, мать и бабушка, пользовавшаяся любовью и уважением дельного, предприимчивого супруга Алексея Львовича Величко и всего семейства, была и нашим большим другом. Относительно Марии и Ирины Евгеньевны имею очень мало сведений. Первая — рано переселилась совсем за границу, а вторая скончалась в юном возрасте.

Семья моей тетки Надежды Дмитриевны Глебовой была в другом роде. Она состояла также из трех сыновей: Григория, Сергея и Юрия Николаевичей, и трех дочерей: Александры, Софии и Марии. Сама тетушка была умная, хитрая, эгоистка, преклонявшаяся перед влиятельными властями и заискивавшая в них. Эти черты характера передала и своим детям. Ее мужа Николая Прокофьевича я мало знал, он слыл не глупым, бойким говоруном, злоупотреблявшим спиртными напитками, и умер во цвете лет. Старший их сын Григорий, красивый молодой человек, получивший образование в Московском Лицее, имея претензию непобедимого сердцеда, поощраемый матерью, начал ухаживать за некрасивой но добродушной дочерью Киевского архимиллионера Николая Артемовича Терещенки, будучи уверен, что ни ее родители, ни она сама, не устоят против той чести, которую он им оказывает; поэтому был очень удивлен и сконфужен, когда его предложение было самым решительным образом отклонено. Не унывая, он обратил свои взоры на юную хорошенькую девицу общества, Ольгу Яковлевну Тарновскую, дочь богатого землевладельца и капиталиста — Якова Васильевича Тарновского и его супруги — Людмиле Антоновны. К обоюдному удовольствию обоих семейств, брак их и состоялся. Вместе с большим преданным за женой, у него все более и более разыгрывалась мания величия. И будучи предводителем дворянства Черниговского уезда камергером, добивался всевозможными средствами и ухищрениями, не брезгуя клеветой, сделаться губернским предводителем, но этого никак ему не удавалось достигнуть. И он своими некорректными поступками, так себя скомпрометировал, что должен был выйти в отставку и чуть чуть, не лишиться придворного звания.

Второй Глебов, Сергей Николаевич и принадлежал к числу беспутной киевской молодежи того времени, но благодаря остроумию, веселому нраву, добродушию и симпатичности, пользовался большим успехом вообще, а у дамочек и девушек, жаждавших романтических приключений — в особенности.

Третий — Юрий Николаевич, был умный, способный, даровитый человек, умевший приспособиться ко всякого рода обстоятельствам и течениям.

Из дочерей Глебовых, старшая, Александра Николаевна, очень хорошенькая в юном возрасте, не глупая, скромная, рано вышла замуж за суетливого малоинтересного спекулянта Николая Трифоновича Озеровского, который в конце концов прогорел на покупках продажи имений и домов. Была приятной партнершей в карточных играх, под шумок не проч была выпить и очень быстро подурнела до неузнаваемости. Они имели трех безличных сыновей, исчезнувших с киевского горизонта. Вторая дочь, София Николаевна, интересная, бойкая кокетливая плутовка, имевшая многих, как женатых, так и холостых поклонников, очень долго флиртвала со мной, чем возбуждала ревнивые чувства влюбленного в нее по образованию и умственному развитию, малокультурного ухаживателя, слывшего за богатого помещика Черниговской губернии Николая Семеновича Наврозова. Хотя по наружному виду он был не дурен собой, но увлечься таким субъектом, разумеется, она не могла. Настоятельные же советы матери не упускать выгодного жениха, она приняла к сведению и вышла за него замуж. Супружество это было оригинальное. При страшной скарденности, мелочности и продолжавшейся ревности они прожили лет пятнадцать в деревне, страшно

томясь и скучая, пока наконец, после десятилетней бесплодной брачной жизни, она произвела на свет две прекрасные девочки: Надю и Наташу. Это заставило их переселиться в Киев, где он купил небольшой дом в Липках, против дома генерал — губернатора. Поселившись там, он как настоящий парвеню, прежде всего набивался на знакомства и сближение с лицами знатного происхождения, и, заискивая благорасположения гражданских и военных властей, рассыпался мелким бесом перед ними, наделяя супругу разного рода золотыми, бриллиантовыми и жемчужными безделушками, которые он покупал по случаю и хвастаясь своим богатством и щедростью, поддерживая в ней наследственное корыстолюбие и чванство, успел примирить ее со своим ничтожеством. Их дочь Надя вышла очень хорошенькая избалованная наивная девушка, на которой, к сожалению, отразилось все нелепое и домашнее воспитание и образование. Вторая — Наташа, прелестный ребенок, недолго прожила к неутешному горю матери. Как большая любительница игры в бридж, она старалась возможно чаще устраивать у себя эту игру и постоянными партнерами ее всегда были Михаил Владимирович Тарновский, Владимир Михайлович Дараган и я. Муж же ее слоняясь из угла в угол, часто косо и недоверчиво посматривал на нас. Но, разумеется, кроме дружбы в наших отношениях к ней ничего другого не мог уловить. Третья Глебова, Мария Николаевна, красивая девушка, воспитанная в Смольном институте, по уму и хитрости очень походила на мать, вышла замуж за состоятельного, серьезного, дельного, представительного помещика Черниговской губернии Сергея Андреевича Кандибу, которого властно заперла и держала в ежовых руках. Жили они открыто, в собственном комфортабельном особняке в Липках, если делали приемы, то очень умело и роскошно обставлены, были любезны, внимательны, тактичны и держали себя с чувством собственного достоинства. У них были сын и дочь, которым дали хорошее воспитание и образование.

Возвращаясь к описанию моих личных чувств и дальнейшего образа жизни, должен откровенно сказать, что меня неудержимо влекла дружба и любовь к моим кузинам Лизе и Насте. Со дня их приезда к моей матери, я был их неизменным поклонником. Субботние журфиксы у матери в первую зиму их пребывания не представляли большого удовольствия. Они устраивались матерью по преимуществу, для карточной игры со своими приятельницами, Анной Максимовной Юзефович, старушкой Люценко, генеральшей Олоховой, Юлией Васильевной Швевс, Ольгой Михайловной Олферьевой и др.

Молодежь иногда тоже появлялась без приглашения. Танцевальные вечера очень часто устраивали у себя: Ольга Юрьевна Милорадович, Евгений Павлович Томара, Савицкие и Крупские. Лиза не любила эти удовольствия и по этому поводу у нее иногда выходили пререкания с моей матерью, которая считала необходимым, чтобы она по — немногу показывалась в свете. Сама недурно играя на рояли и любя музыку, она охотно посещала итальянскую оперу, пленявшую в то время киевлян. С наступлением Великого поста, зимний сезон кончался; но симфонические концерты и разные вокальные инструментальные гастролеры и гастролерши наводнявшие город, до страстной недели, привлекали жаждающую развлечений многочисленную публику. Точно так же и на

«Контракты», традиционную киевскую ярмарку, съезжалось всегда такое громадное количество помещиков, сахарозаводчиков, арендаторов, лесопромышленников, рыбопромышленников, кавказских, крымских и иностранные мануфактуристов и фабрикантов, совершавших крупные сделки, договоры, купли и продажи, что более месяца в городе царил кипучая деятельность. Даже мой отец, не любивший шумной городской жизни, приезжал на короткое время делать необходимые хозяйственные закупки, а на Пасху снова радовал нас своим посещением, причем всегда привозил большое количество, всякого рода превосходных деревенских заготовок. После Пасхи обыкновенно начинался разезд по деревням. Весна в нашей благословенной Малороссии, это обновительница природы и всего живущего, так очаровательно прекрасна, такой отрадой наполняла душу и сердце человека, что он не мог оставаться равнодушным, не мог не восхищаться: ароматом цветов, полей, распускающихся нежных листьев, красотой цветущих деревьев, щебетанием птиц и захватывающим душу концертом соловьев. Утерять такое наслаждение, оставаясь в городской сутолоке было бы грешно, непростительно. Наша семья всегда спешила переехать в деревню ранней весной. Мое юное многолетнее пребывание в Петербурге лишило меня возможности испытывать эти наслаждения, и потому, приехавши в Фарбовану, я в восторженном экстазе воскликнул:

«Весна! Волшебная весна!
Ты мне даришь и радость и веселье
И своей дивной красотой
Вселяешь в сердце восхищенье!
Ты и в тоскующей душе
Утешишь горькие страданья,
И все, что мучило в беде
Изгладится от ликованья.
И обновленная природа,
Под лаской нежного тепла,
Забудет все свои невзгоды,
Заблещет счастьем полна»

Проводя зимний сезон в Киеве, моя мать имела для выездов пару порядочных лошадей, а из экипажей карету и фаэтон. Лиза же, любившая кататься приобрела небольшой двухместный тильбюри и резвую лошадку, которая сама правила, причем я всегда будучи ее единственным спутником, находил большое удовольствие в загородных прогулках. Кроме того, как любительница верховой езды, она была в восторге, что мой отец к ее переезду в Фарбовану, выдрессировал пару смирных верховых лошадей, своего собственного небольшого конского завода, на которых Лиза и я очень часто совершали, во время моего пребывания в деревне, не только поездки по ближайшим окрестностям, но даже и отдаленную семнадцативерстную экскурсию в с.

Конановку, к бабушке Софии Моисеевне, встречавшей и приветствовавшей нас самым сердечным, радушным образом, и после незначительного отдыха и подкрепления обильными угощениями, мы возвращались домой в радостном настроении.

Как — то заехали вблизи Конановки, в роскошную усадьбу местечка Тепловки, князя Михаила Михайловича Долгорукова, женатого на нашей тетке, сестре моего отца, Вере Гавриловне, женщине чванной, гордившейся не только своей красотой, но и титулов, и потому мне лично, не особенно симпатичной. Ее муж бывший гусар, мот, кутила, брехун, разорившись и поселившись в деревне, продолжал чудачить. Семья их состояла из четырех сыновей: Михаила, Василия, Анатолия, Сергея и двух красавиц дочерей: Екатерины и Марии. Два младших сына и обе дочери были нашими сверстниками.

Мое постоянное общение и сближение с прелестной Лизой — невольно влекло меня к ней. Она, по — видимому тоже не совсем равнодушно относилась ко мне. Я инстинктивно чувствовал опасность моего увлечения; и руководимый в то время, самыми чистыми убеждениями, прекрасно понимал, что не по возрасту, не по положению студента, и по самому родству, не имел права думать и мечтать узаконить наши взаимные чувства браком. А тем более компрометировать ее нелегальными отношениями. Поэтому от всего любящего ее сердца желал, чтобы судьба послала ей такого достойного человека, с которым она была бы счастлива. Но из многочисленных окружавших ее ухаживателей и претендентов на ее руку и сердце, среди золотой молодежи, к которой принадлежали сватовские ее: князь Кекуатов, граф М.Д.Бальман, Рагге и др., никто не нравился ей и всем она отказывала. Это очень тревожило и озабочивало мою мать, которая от всей души желала, чтобы она сделала хорошую партию. По этому поводу она часто беседовала со своим братом Петром Дмитриевичем Селецким, который тоже присматривался к молодым людям, нет ли между ними подходящих по общественному положению и материальным средствам женихов для его дочерей, но таковых он так и не находил. Моей же матери он посоветовал обратить внимание на не первой молодости служившего в канцелярии института, под его начальством скромного, красивого, небогатого камер — юнкера, князя Петра Александровича Трубецкого, который для такой прекрасной состоятельной девушки, как Лиза был, по его мнению, вполне подходящим женихом. Моя мать не могла не одобрить эту мысль. Передала мне об этом, прося меня из дружбы и расположения к Лизе посоветовать ей не противиться осуществить этот проект. Когда моя мать при удобном случае, осторожно и деликатно намекнула ей об этом, советуя спокойно обсудить все преимущество такого брака, Лиза решительно объявила, что выйдет замуж только по любви и хотя ничего не имеет против Трубецкого, но не питая к нему расположения, не желает быть его женой. И несмотря на уговоры и доводы матери — стояла на своем. Я долго молчал, в ожидании, что она заговорит со мной об этом. И действительно, когда через некоторое время, она пылливо глядя на меня, чистосердечно высказаться о поводу, советываемого ей брака, я, поборов мои собственные чувства, что она ясно понимала, по совести заявил, что из всех претендентов, я считаю Трубецкого наиболее солидным и подходящим. Мне показалось, что она с удивлением и

упреком отнеслась к моим словам. Таким образом моя дружба пересилила мою любовь к ней. Этим оправдалось мнение многих мыслителей, и в том числе, если не ошибаюсь, которые считали, что : «Дружба лучше любви. Любовь, в большинстве случаев, эгоистична. Человек, любящий женщину, считает личным врагом всякого другого, желающего нравиться ей, тогда как дружба такой ревности не знает». Вопрос выхода замуж Лизы был отложен до зимнего сезона. С наступлением его жизнь потекла своим порядком. Начались снова: выезды, вечера, балы, концерты, благотворительные спектакли, лотереи, живые картины, выставки. Для одних — эти удовольствия сулили радость и надежду, для других — печали и разочарования. У нас часто умышленно заводили разговоры о том, какие браки, в большинстве случаев, бывают счастливее, совершаемые по рассудку или увлечению? По — видимому предпочтению отдавалось первым. Это ли, или какие — либо другие соображения повлияли на Лизу, она наконец, согласилась выйти замуж за П.А. Трубецкого, о чем и заявила моей матери, которая была в восторге, что ее хлопоты увенчались успехом. На меня же это произвело удручающее впечатление, а день венчания ее был для меня печальным днем моей юной жизни. Лизочка, с трогательными, нежными, ласками и слезами на глазах просила не забывать ее и навсегда сохранить мою искреннюю неизменную привязанность к ней и верить, что она сохранит обо мне самое отрадное сердечное воспоминание. Кроме того ее радует, что мне не долго придется грустить о разлуке с нею, так как она знает, что дорогая прелестная Настуня обожает меня, и разумеется своей безграничной добротой, кротостью и любовью очень скоро утешит и осчастливит всю мою будущую жизнь. Таким образом, торжественно, при многочисленном обществе, состоялось венчание Лизы, у которой я был шафером и распорядителем семейного обеда, после которого новобрачные уехали в деревню «Гавронщину» Киевского уезда, в сорока верстах от Киева, принадлежавшая старухе Трубецкой, где и поселились до осени, а затем переехали на постоянное место жительства в Киев.

Тем временем младшая сестра Лизы, прекрасная Настуня, будучи еще юным подростком и отличаясь необыкновенно добрым характером и нежным сердцем, была предметом всеобщего восхищения, и, конечно, я не мог быть в этом отношении исключением, тем более, что с ее стороны видел и чувствовал такую симпатию и привязанность ко мне, о которых предупреждала меня Лиза, что я, действительно не мог, не полюбить такое чудное существо, как она. И сам все более и более привязывался к ней. Дошло, разумеется до того, что мы не на шутку влюбились друг в друга, и начали строить планы, каким способом осуществить наше непоколебимое желание сочетаться браком; для чего необходимо было устранить и преодолеть очень многие серьезные препятствия. Главным образом нужно было заручиться благорасположением ближайших родственников и содействием в то время Ф.Ф.Трепова. И в том и другом нельзя было иметь полной уверенности. Поэтому необходимо было прежде всего хлопотать: о снятии опеки, о выборе для Насти доброжелательного попечителя и передача в ее ведение, причитающиеся ей части наследства, чтобы она могла на случай каких — нибудь враждебных проявлений распорядиться своим имуществом. Но так как процедура утверждения в правах наследства и раздел между наследниками

большого движимого и недвижимого имущества, затянулись на продолжительное время, то пришлось и мне терпеливо ждать благополучного завершения этих дел и проявить некоторую энергию, отстаивая интересы Настуни. Между тем, мачеха и ее отец, Александр Александрович Иваненко не дремали. Они при содействии Трепова и Богдановича, настояли на том, что ей и ее дочери Зинаиде выделили два самых лучших имения всего наследства: с. Крупское Золотоношского уезда и с. Конановку Пирытинского уезда Полтавской губернии, с прекрасными усадьбами, жилыми домами, садами, хозяйственными постройками, земледельческими орудиями и живым инвентарем. Всего этого в других имениях и в помине не было. Две старшие дочери наследницы: София и Елисавета Ивановны, будучи уж замужем, получили пополам большое имение в одиннадцать тысяч десятин земли, с. Сергеевку Екатеринославской губернии Верхнеднепровского уезда. И менее ценное, но за не имением жилых усадебных помещений, для жизни не удобное. А на долю несовершеннолетней Анастасии Ивановны пришлось получить при м.Борисполе и х.Григоровки Переяславского уезда, Полтавской губернии, в сорока верстах от Киева, неразверстанное, через бездоходное имение, с претензиями и исками крестьян чуть ли не на все три тысячи десятин, отведенные ей. Борьба против этого оказалось невозможным. По — видимому Трепов, владевший другой смежной половины Бориспольского имения, подбил своего приятеля Ивана Яковлевича приобрести эту часть, желая впоследствии откупить ее у него, на более менее выгодных условиях, для округления своего имения. Но так как купчую крепость и ввод во владения на Борисольское имение пришлось совершать опекунам уже после смерти Ивана Яковлевича на основании имевшейся у него запродажной записи, то Трепов, без сомнения надеялся, что ему скорее всего удастся осуществить свое желание, имея дело с Настуней, а не с которой — нибудь другой наследницей. Мое предположение, что Трепов имел желание округлить свое Бориспольское имение, через некоторое время оправдалось, по его поручению меня запросили, не продаст ли ему Настасья Ивановна свою часть? Но как не желательно было отделаться от такого имения, которое кроме хлопот ничего не доставляло, все же продать его за предложенную им цену, по пятидесяти рублей за десятину, когда цена земель в той местности дошла уже до ста рублей — было невозможно; тем более, что генеральное межевание земель уже происходила в Переяславском уезде и очень скоро должно было коснуться и м.Борисполя. К тому же и нелепая претензия крестьян, разбиравшаяся в Полтавском высшем советном суде, должна была в недалеком будущем разрешиться не в их пользу, так как, очевидная грубая подделка документов, была вполне обнаружена. Несмотря на это, Настуне пришлось написать всеильному Трепову, как бывшему опекуну, трогательное письмо, умоляя его испросить разрешения Обер — прокурора святейшего синода, с которым он был в очень хороших отношениях на ее бракосочетании со мною. Он любезно ответил, что официально такое разрешение не может быть дано, но что, если наш брак состоится, и будут доносы, то обещано не подвергать нас никаким преследованиям. Это нас невыразимо обрадовало и успокоило. Настояв, чтобы Богданович передал Настуне, назначенную ей часть наследства, я договорил управляющего для ведения хозяйства в Борисполе и поверенного по

делу о претензиях крестьян и проявил усиленную деятельность, защищая интересы, душевное спокойствие и благополучие той, которая по своей ангельской кротости, доброте и снисходительности, заслуживала безграничную заботливость и попечение. Она до такой степени привязалась и полюбила меня, что каждая моя самая кратковременная поездка по делам, приводила ее в уныние и отчаяние. При таких обстоятельствах и невозможности совершить наш брак в России, мы решили венчаться за границей, и поездку туда предпринять, при первой благоприятной возможности. Чтобы избавить мою мать от нареканий в потворстве, нашим замыслам, в осуществление которых она не верила и не принимала участие; благоразумия требовало, чтобы Настуня не оставалась жить у нее. Следующие события помогли выйти из такого затруднительного положения. Проживавшая в то время в Киеве в собственном доме, на Б.Владимирской, против Десятинной церкви, с мужем, Елисавета Ивановна Трубецкая, просила Настуню поселиться под ее покровительством, в мезонине из трех комнат ее дома. И так как тогда гостила в Киеве, приехавшая из Екатеринославской губернии наша двоюродная сестра Юлия Всеволодовна Пичугина, очень милая, добрая, симпатичная девица, которую все родные очень полюбили, а Настуня, лет на десять моложе ее, так сердечно, безгранично привязалась к ней, что решила переехать в дом Лизы, только в том случае, если Юлия поселится там вместе с нею. Юлия охотно исполнила ее желание; я не вдавали нашел себе небольшую комнату, но разумеется, большую часть дня проводил с ними. Такая комбинация была разумна и удобна. И если бы инцидент с П.А.Трубецким, нарушивший наши доброжелательные отношения к нему, она, вероятно, продолжалась бы более продолжительное время. Дело в том, что на содержание, продовольствие, туалеты и расходы обоих племянниц: Лизы и Насти, моя мать, как я уже упоминал, по соглашению с опекунами, получала определенную сумму денег, в которой она отчитывалась перед ними. Непредвиденные же, экстренные расходы, вызываемые замужеством или другими требованиями уплачивались Богдановичем по счетам. И, понятно, никаких недоразумений по этому поводу не происходило. Водворившись в Киеве, П.А.Трубецкой, по — видимому, без ведома Лизы обратился к моей матери с просьбой доставить ему документы и отчеты в израсходовании полученных ею денег, за время проживания его жены у нее. Моя мать очень удивилась такому требованию, а меня оно страшно возмутило. Поэтому я ему тотчас же написал, что моя мать, по произведенным ею расходам на племянниц, давным — давно, отчиталась перед опекуном, к которому он и может обратиться за интересующими его сведениями. Его же требования я нахожу не деликатным и неуместным, тем более, что ему должно быть известно, что моя мать приютила племянниц и приняла их на свое попечение — не из материальных выгод, а по убедительной и настоятельной просьбе опекунов и мачехи, а также из желания быть полезной сиротам. Всем сердцем полюбивши их, она заботливо относилась к их интересам и благосостоянию и вполне заменяла им мать. И если он обладает такой прекрасной женой, как Лиза, то этим он обязан исключительно матери. Настуню все это очень печалило. Боясь дальнейших осложнений между им и мной, она переехала из дома сестры в отдельный, небольшой особняк, где очень

мило устроилась вместе с Юлией, которая по сердечной доброте, вниманию и заботам, была для нее незаменимым другом, сестрой, матерью. С Лизой — расположение и дружба не прерывались. Убедившись в нетактичности мужа, она настояла, чтобы он отправился к моей матери, и, выразив ей сожаление и извинения, что потревожил ее своим необдуманным поступком, засвидетельствовал ей свое глубокое почтение и уважение. После чего, хотя и восстановились, постепенно, более менее сносные отношения с ними, но дружелюбия он мне не внушал. Моя жизнь сложилась очень своеобразно. Строгие моралисты, без сомнения, имели бы право меня осуждать за чрезмерное сластолюбие, так как все мое существование было полносердечными привязанностями и увлечениями. Но из дальнейших моих воспоминаний будет ясно, что все мои серьезные привязанности вызывались не эротическим возбуждением, а исходили из глубины души и сердца.

Принятый в Университет в 1866 году, я впервые два года очень усердно посещал его, в особенности лекции талантливых профессоров: Бунге, Митюкова, Незабитовского и др. и между прочим написал диссертацию на тему о Кассационном Департаменте Сената, удостоившейся большой похвалы профессоров. Дальнейшие мои занятия очень часто прерывались, но не зависевшим от меня причинам, за хлопотами и заботами по управлению имением и делами моей драгоценной невесты, ее личным благоустройством и душевным спокойствием, которые требовали моего непрерывного попечения. В то же время, отец, достигнув глубокой старости, боясь, чтобы в случае его кончины, не возникли какие — нибудь раздоры, распри и недоразумения между братьями и сестрами при дележе наследства; и желая, чтобы Фарбована полностью, целиком, перешла в мое владение, как его любимца, предложил двум старшим братьям и мне сообща выработать такой справедливый проект раздела, который можно было немедленно представить на утверждение. Серьезное всестороннее обсуждение и составление такого проекта мне пришлось взять на себя. Благодаря тому, что две малороссийские губернии: Полтавская и Черниговская, пользовались некоторыми законами бывшего Литовского статута, по которому владелец недвижимой наследственной собственности имел право передать ее помимо законных наследников, тому из своих родственников, кому он пожелает, и имущество это становилось уже не наследственным, а благоприобретенным, то мы решили, чтобы отец совершил нотариальную дарственную запись всего своего Фарбованского имения на мое имя; я же обязан буду одновременно уплатить двум моим братьям: Андрею и Димитрию по пятидесяти тысяч каждому и сестре — Варваре — пятнадцать тысяч рублей. Кроме того отец оставлял в своем пожизненном пользовании триста десятин земли из этого имения и, конечно, усадьбу. Мы же, три брата, особым актом, обязывались уплачивать матери ежегодно определенную пенсию. Братья Митрофан, Владимир и сестра — Мария удовлетворялись в таком же размере от продажи материнского имения в Золотоношском уезде и дома в г. Киеве. Все эти комбинации, единогласно одобренные, как родителями, так и братьями и сестрами, нужно было облечь в законную форму и представить на утверждение необходимые средства для осуществления означенного проекта раздела. Что

требовало сложных операций по перезалогу Фарбованского имения сдачи его в аренду на более выгодных условиях и по продаже небольшого имения Коловановки в Золотоношском уезде, принадлежавшего Настуне, исходатайствованию кредита в банках. А если принять во внимание нетерпеливое ожидание заинтересованных лиц в скорейшем выполнении мною всех этих процедур, то сделается ясным, какую неутомимую, сложную деятельность я должен был проявить, чтобы достигнуть благоприятных результатов, не подвергаясь нареканиям, приходилось не забывать, что : «взявшись за гуж, не говори, что не дюж». Кроме того, мне предстояло еще выполнить заветную мечту отца: о постройке при его жизни удобного, комфортабельного дома, где бы я, женившись на Настуне, которую он очень любил, проводил вместе с нею летний сезон в Фарбоване. Пришлось исполнить и это желание отца. Для чего, поручив одному Киевскому архитектору составить, по моему указанию, план и смету, я приступил к заготовке строительного материала. Оказалось, что в Фарбованской усадьбе, в балке около пруда, был большой участок земли с хорошим качеством глины, а песок — можно было достать в селе. Поэтому я выписал из Черниговской губернии мастера — специалиста по выделке кирпича, который, оборудовав небольшой кирпичный завод, и заготовив необходимое количество кирпича, взял на себя, под наблюдением архитектора, и самую постройку дома. Кирпича железняка выпалено было такое количество, что его хватило и на устройство, по желанию отца, семейного склепа в церковном погосте, а также на фундамент, новостроенной церкви и на печи и трубы, нуждающимся в кирпиче — крестьянам. Проживая в симпатичном флигеле из пяти комнат, отец очень интересовался постройкой дома и следил за нею; но к крайнему прискорбию и не дождал до окончательной отделки его и нашего переезда в него. Он был похоронен в новом склепе, где впоследствии погребены были также мой брат Митрофан и сестра — Варвара. Дом и по внешнему виду, и по таким удобствам, как балконы, террасы, ванная, уборная и водопровод, вполне отвечал и удовлетворял нашим вкусам и требованиям. Скромная, но изящная меблировка была безукоризненна. Сад с отличным садовником, приведен был в большой порядок. Роскошные клумбы, декоративные растения, окружавшие дом, фонтан, большая обеденная палатка на лужайке — все это производило необыкновенно приятное впечатление на посетителей.

Эти бесконечные, столь продолжительные хлопоты и заботы о Настунином и моем собственном благоустройстве, лишили меня возможности довести мои университетские занятия до получения диплома. Ни ученая, ни служебная карьера меня не особенно прельщали. С некоторым запасом полезных знаний, опыта жизни и здравого смысла, я и без диплома мог приносить пользу в тех сферах деятельности, где благотворительность, милосердие, добро и правда — играют не последнюю роль. Таким образом, достигнув зрелого возраста, после многих тревог, препятствий, и опасений, Настуня и я решили ехать в Лемберг (Львов), чтобы там, если будет возможность, обвенчаться. Что благополучно совершилось 24 октября 1876 года, в небольшой, очень бедной православной церкви, после некоторых неизбежных формальностей.

"Настуня", Анастасия Ивановна (в девичестве Лукашевич) с Гаврилом Ивановичем Вишневым

Зрелый возраст.

Вернувшись в Киев, мы были встречены родными и знакомыми с необыкновенным восторгом; нас поздравляли и фетировали самым искренним, сердечным образом. Во избежание блуждания из квартиры в квартиру, мы решили приобрести, понравившийся нам новый, двухэтажный дом на Б.Подвальной улице у «Золотых ворот», в котором и поселились, сделав необходимые в нем переделки и приспособления. Прекрасно обмелировав, сами поместились в бель — этаже, а нижний — сдали в наем профессору, доктору Вагнеру. У нас, кроме незабвенной моей матери, поселилась также самый близкий друг Настуни, ее неизменная спутница — Юлия Всеволодовна Пичугина. В близком, дружеском общении с нашими многочисленными родственниками и приятелями жизнь наша протекала самым приятным и разнообразным образом. Кавалькады, пикники, катанья на пароходах, домашние спектакли, концерты, живые картины, семейные вечера, благотворительные

балы, лотереи, выставки картин — непрерывно чередовались друг за другом. Я во всех этих удовольствиях принимал самое деятельное участие, Настуня же, только в некоторых, но очень любила принимать у себя дома. Сделавшись членом Киевского Дворянского клуба, и очень скоро избранный в старшины, я прежде всего, позаботился, чтобы клуб не был исключительно игорным домом, а доставлял бы семьям его членов местом приятного времяпрепровождения. Попытки устраивать в этом отношении скромные семейные вечера — не удались. Но зато великолепные, роскошные балы, распорядителем и дирижером танцев которых я был всегда, привлекали такую массу изысканной публики Киевского общества, что в конце концов пришлось ограничивать выдачу билетов для входа на бал. Клуб выписывал всевозможные журналы и газеты, имел прекрасное помещение, хороший винный погреб, и отличного повара. Все это привлекало к нему большое количество членов. Многие представители гражданских и военных ведомств стремились сделаться членами клуба, а Генерал — губернатор, по уставу являлся его почетным старшиной. Кроме еженедельных четверговых обедов, и ужинов с разнообразной закуской, по умеренной цене, два раза в год, 9

— го января и 9 — го июля устраивались грандиозные, роскошные обеды с музыкой, тостами, спичами и овациями в честь старшин, и распорядителя, которым всегда был я. Пользуясь престижем, мне часто приходилось быть посредником и третейским судьей, в возникавших недоразумениях между членами клуба. Не будучи азартным игроком, я охотно играл в коммерческие игры по крупному кушу, и считался хорошим игроком и приятным партнером. Поселившись в приобретенном нами доме на Б. Подвальной улице, вся моя забота заключалась в том, чтобы обставить жизнь моей драгоценной Настуни, как можно комфортабельнее, согласно ее желаниям и вкусам. Она не любила посещать «большой свет». За то, когда чуть ли каждый вечер, к ней приходило несколько родных и приятелей «на огонек», ей это доставляло большое удовольствие, и она, со свойственным ей радушием и гостеприимством, с восторгом принимала дорогих гостей. Идеально добрая, кроткая, нежная, она была в полном смысле слова — совершенством. Любовь, милосердие, снисходительность, не только к людям, но и к животным, наполняли все ее существо. Ее сердце и разум гармонировали с ее физической и моральной красотой. Не любить, не уважать, не преклоняться, не восхищаться ею — нельзя было. Все это прочувствовал и испытал. Но к величайшему моему поражению и отчаянию, многолетняя братская заботливость, деликатная, нежная сдержанность взаимных отношений, привычка благоговеть перед нею, а также ее боязнь и страх беременности и деторождения — настолько притупили парализовали мои собственные вожеления, что я с ужасом должен был убедиться, что лишен возможности пользоваться тем счастьем, о котором так долго мечтал. Врачи специалисты, кроме совести расстаться на продолжительное время, никакого другого средства, помочь моему горю, не находили. Такой фатальный исход нашего брака, приводивший меня в отчаяние, ни малейшим образом не сокрушал Настуню. Она, до болезни грустившая от самой кратковременной разлуки со мной — не допускала мысли расстаться на долгое время. Она своим чутким, добрым сердцем понимала, как много хлопот, тревог и волнений приходится испытывать матери с самого момента появления на свет ребенка, вплоть до времени пока он не вырастит, не возмужает и не окрепнет физически и морально. Неудачи в этом отношении, без сомнения, отравляют жизнь любящих матерей и причинили бы ей невероятные страдания. Поэтому считала себя счастливой, что гарантирована от такой беды. В то время Киев был переполнен такими симпатичными, многочисленными родными и знакомыми, как семьи моих братьев — Андрея и Дмитрия, а также Трубецких, О' Рурков, Бразолей, Глебовых, Барончей, Синельниковой, Тарновских, Тамар, Мерингов, Крупских, Милорадовичей, Савицких и др. , с которыми мы были в наилучших отношениях и часто виделись. Настуня очень любила своих племянников и племянниц, в особенности детей сестры Лизы, баловала и ласкала их. Я тоже любил детей, но считал, что к воспитанию их нужно относиться серьезно и разумно, не увлекаясь одними чувствами расположения. На рождественские праздники и Пасху, у нас собиралось большое количество родственной молодежи, для которой мы устраивали разнообразные удовольствия и сюрпризы. Кроме того у нас было много друзей и приятелей, которые доставляли нам большое

удовольствие своим посещением. Особенно милы, дороги и приятны нам были: М.В.Тарновский, В.М. Дороган, И.С.Искра, В.В. Цимбалистов, Турчанинов, Д.Д. Куликовский, Созанович, Редин, Березовский. Из них два первые до сих пор живы, но влачат, как и я жалкое существование. Будучи очень нервной, Настуня даже днем боялась оставаться одна в комнате. Ночную темноту она не переносила. Ложилась спать на рассвете. Поэтому радовалась вечерним посетителям, засиживавшимся до поздней ночи. В те вечера, когда гостей не было, или расходились рано, она выкладывала разнообразные замысловатые пасьянсы, а я сидел около, читал ей какую — нибудь интересную русскую или французскую книгу. Затем, выспавшись вечером, являлась из своей комнаты наша милейшая Юлия Всеволодовна, оставаясь с Настуней остальную часть ночи. Говорили, что в Петербургском «Большом свете» была еще более оригинальная семья, принимавшая гостей только после окончания спектаклей и к ней охотно приезжали многочисленные знакомые. Такой не гигиеничный образ жизни, не мог быть полезным, но и превратившись в привычку, бороться с ним не было возможности. Оригинальная, своеобразная фантазерка мачеха Настуни, Полина Александровна, одно время проживавшая в Киеве, вступила во второй брак с неинтересным не молодым чудачком, имевшим порядочное состояние, Иваном Ивановичем Белокопытовым, от которого имела дочь Анну. Свою дочь от первого брака, премиленькую, добродушную девочку Зинаиду Лукашевич, не достигшую шестнадцатилетнего возраста и болезненную, выдала замуж за молодого продувного прощальгу и щеголя — Петра Владимировича Черепова. Брак этот не обещал ничего хорошего. Его расточительность безалаберный образ жизни и разные неблагоприятные выходы и предприятия грозили полным их разорением и только благодаря принятым ее матерью и мною, по ее просьбе, мерам, нам удалось спасти ее от больших бед. Для этого пришлось исходатайствовать о назначении нас опекунами над оставшимся, принадлежащим ей имуществом и постараться наиболее выгодно его ликвидировать, устранив вмешательство Черепова, который, очень кстати скрылся. Все это мы успешно совершили, и от продажи земель и построек выручили чистоганом, сто тысяч рублей, на проценты с которых она спокойно и скромно прожила в Петрограде до своей кончины. Он же до сих пор, где — то и что — то промышляет. Что касается ее сестры по матери, Анны Ивановны Белокопытовой, умной, дельной, практичной в смысле добывания материальных средств, некрасивой и неуродливой, то она тоже не сделала блестящей партии. Вышла замуж за некоего неважного субъекта Владимира Алексеевича Степанова. Прижив с ним двух сыновей Владимира и Иоанна и дочь Киру. На образование детей, разведясь с мужем, она обратила серьезное внимание. Сыновей определила в училище правоведения, а дочь — воспитывала дома. Ее фаворит Владимир пользовался правом неограниченно тратить деньги на удовольствия. Обеспечив себя крупным материнским и отцовским состоянием; унаследовав каким — то образом, помимо ближайших родственников, от нескольких старых бездетных сестер своего отца Ивана Ивановича, порядочное количество капиталов, Анна Ивановна поселилась вместе с матерью в Петрограде, в большой прекрасной квартире, роскошно мебелированной и обставленной,

обзавелась обширным кругом знакомых, и повела открытую светскую жизнь, щеголяя богатыми туалетами и приемами, оплачиваемые матерью, питавшей к ней необыкновенную слабость. Но и Киев она не забывала, здесь у нее были друзья и приятели обоего пола, с которыми она была в самых лучших отношениях, поэтому нередко устраивала им приятный сюрприз, внезапным появлением. Останавливалась она всегда в гостинице Континенталь. Ее, как мы называли, гастролирование, было сплошным, не прерываемым фестивалем. Пиршества и кутежи не прекращались ни днем ни ночью. Обеды, ужины, шампанское, крушаны, ликеры и коньяк, вместе с музыкой и пением забористых цыганских романсов, производили непреодолимое веселое, возбуждающее настроение и впечатление на принимавших в них участие. Не принадлежа к этой дебоширующей компании, мне все же пришлось один раз посетить ее. Из этого посещения я вынес не очень благоприятные впечатления. Размашистый кутеж, в ресторане на чужой счет, был мне не симпатичен, но, очевидно, что Анне Ивановне, которой эти пиры стоили бешеных денег, было приятно доставлять другим и себе подобным удовольствие.

Вскоре по водворении нашем в собственном доме, мачеха Настуни, Полина Александровна привезла к нам новорожденную девочку, будто бы ей подброшенную, убеждая нас взять ее на воспитание. Настуня по своему добросердечию, согласилась приютить ее. Хотя мне, подозревавшему происхождение ребенка не совсем нравилось это, тем не менее я не возражал против такого решения. Девочку окрестили, назвали Елисаветой, по отчеству Гавриловной, так как меня уговорили быть ее крестным отцом и вместе с договоренными кормилицей и нянькой, отправили в Фарбовану, где с разрешения отца, она первые годы жизни, должна была оставаться под надзором и наблюдением его хозяйки. А через некоторое время нам лично, подбросили сначала одну, а затем и другую девочку, при трогательных записках, взывавших к нашей гуманности и сердечной доброте, и умолявших презреть и воспитать несчастных, бесприютных сирот. Не внять такому воплю было невозможно. Мы приняли, воспитали их и не раскаиваемся в этом. Первая воспитанница Лизочка, красивая девушка, мало радовала нас и своим характером и своей неудачливостью. Зато вторая Александра Михайловна (Шурочка) и третья Наталья Сергеевна (Наташа) — вышли во всех отношениях прекрасными симпатичными девицами, доставлявшими нам большое утешение. Нечего и говорить, что драгоценная Настуня нежно заботилась и горячо любила их. О их дальнейшей судьбе я сообщу кое — что ниже. Теперь же должен коснуться событий, касавшихся главным образом лично меня. И постараюсь восстановить воспоминания с полной объективностью и беспристрастием. В юный период моей жизни, когда я вращаясь преимущественно в родственниках кружках, был очень скромным, благонравным и сдержанным, со мной следующие приключения: Посещая часто Москву я ознакомился с одной прекрасной родственницей, встреча с которой в продолжении нескольких лет, так интимно сблизил нас, что в конце концов, я оказался отцом вначале одного, затем и другого ребенка. Мать по своему семейному и общественному положению не имела возможности не открыто признать их своими детьми, не узаконить наши отношения браком.

Поэтому она просила меня, или взять на себя заботы попечения о нашей дочери и сыне, или поместить их в воспитательный дом. Я не считал себя в праве бросить их на произвол судьбы; и убедившись, что акушерка, у которой производились роды обоих детей, оказалась очень доброй, хорошей сердечной женщиной, имевшей почтенного мужа, бывшего артиста московской балетной труппы и симпатичную молодую не дурно воспитанную дочь, и что им без опасения можно было поручить попечение о моих детях и подготовку их, когда они подрастут, для поступления в учебные заведения, я вошел с ними в соглашение по этому поводу, относительно платы, которую буду им ежегодно вносить. С этой стороны моя совесть была спокойна, так как ничего лучшего я не мог придумать. Я довольно часто навещал и нередко получал известия об их образе жизни. Мою дочь Маруню, по крестному отцу Николаевну, не глупую, милостивую, способную девочку, нетрудно было подготовить и определить в московский чернявский институт, в котором она прекрасно и окончила курс. С сыном же Иваном, не смотря на его способности пришлось гораздо больше возиться, меня преподавателей и пансионы. Наконец благополучно окончив реальную гимназию, вместо того, чтобы поступить в какое — нибудь высшее техническое училище, он воспылав любовью к сцене, умолил меня разрешить меня поступить в московское императорское театральное училище. Идти наперекор его желанию я не решился, находя что, может быть, по его характеру, с его представительной наружностью, хорошими манерами, прекрасной дикцией и недурной памятью, карьера артиста, пожалуй будет для него наиболее подходящей и поэтому согласился на его поступление в означенное училище, окончив которое он был принят на сцену Императорского малого театра.

Вишневский Иван Гаврилович

Хотя мои дети росли у вполне порядочных и честных людей, оказывавших им большое расположение, но меня все же мучила и тревожила мысль, что они чужды тех родительских ласк и любви, которая так благотворно действует на сердца и души детей, и невольно считают себя какими — то отверженными париями, без роду и племени. Поэтому зная безграничную доброту и отзывчивость Настуни, я решился открыть ей тайну существования двух моих детей, и желания их усыновить. Для усыновления, по действовавшим законам, требовалось не только согласие жены, но и моих братьев. Получив их добросердечное согласие, С. Петербургский окружный суд определил своим, признал усыновленными моих детей: дочь Марию и сына Ивана,

которым присвоены были моя фамилия и отчество. После чего я считал очень желательным и важным исходатайствовать Высочайшее разрешение о признании усыновленного мною сына — потомственным дворянином. Это не всем и не всегда удавалось достигать. Но благоприятно сложившиеся обстоятельства оказали мне большую услугу в этом. В Висбадене на курорте мы познакомились и дружески сошлись с милым и любезным правителем канцелярии по приему прошений подаваемых на Высочайшее имя — Д.С.С. Лемсоном и его женой. Узнавши, что мы озабочены делом, которое будет в его рассмотрении, он дал нам ценные указания каким образом нужно его направить. По его совету, кроме моего прошения на Высочайшее имя, было бы полезно, чтобы Настуня от своего имени написала письмо главному управляющему канцелярией. Стате секретарю Сипягину благосклонно отнестись к моему ходатайству и оказать нам обоим в этом свое гуманное, добросердечное покровительство. С своей стороны Лемсон тоже обещал, при докладе этого дела, высказаться за удовлетворение моего ходатайства. Все это, вместе с самым лучшим отзывом обо мне из Киева, завершилось все милостивейшим Высочайшим повелением о признании сына моего потомственным дворянином. Что невыразимо обрадовало нас.

Москва, по историческому своему прошлому, по памятникам древности, по своеобразному складу жизни, потому что «там русский дух — там Русью пахнет», всегда сердечно влекла меня к себе. Настуня также с удовольствием любила посещать ее. Там проживала милая, почтенная семья наших родных Карпачовых, в составе старика отца, Ивана Павловича, его супруги, нашей тетки — Надежды Гавриловны, их трех детей: Владимира, Софии и Веры и сестры отца Натальи

Павловны. Мы были к ним очень расположены. Кроме того в Москве занимала высокий пост игуменьи Новодевичьего монастыря наша двоюродная сестра, родная сестра Юлии Всеволодовны. Мария Всеволодовна Каблукова, по монашеству — мать Антония, умная симпатичная, образованная особа. Эти посещения Москвы, в обществе родных, друзей и знакомых, гостивших, как и мы в ней, отличались непрерывными удовольствиями и развлечениями. Веселья, загородные пикники на лихих тройках, художественные театры, роскошные рестораны, прекрасные цыганские хоры, великолепные магазины. Всем этим мы пользовались с большим увлечением. В одну из поездок в Москву, после усыновления моих детей, Настуня пожелала, чтобы я привез и представил их ей и остальным родным. Они на всех, включая и мать Антония, произвели приятной наружностью, скромностью, хорошими манерами и выдержкой — самые лучшие впечатления. Приветливое, ласковое отношение к ним, до глубины души тронули меня и их. По окончании Реальной Гимназии, до поступления в театральную школу, с Варей произошел неприятный инцидент, который мог иметь печальные последствия. Прогуливаясь в парке в Сокольниках, близ Москвы он услышал женский крик, и предполагая грабеж или насилие, побежал по направлению к крикам, застал сцену, что городской тащил за руку молодую девушку, отбивавшуюся от него. По его словам, он вежливо, но решительно заметил городскому, что так грубо обращаться с женщиной он не имеет права, и если не оставит ее в покое, то пойдет в участок заявить о случившемся. Городской, по — видимому не трезвый, схватив и сына за руку, стал кричать, что не его дело вмешиваться в распоряжение полицейского, и что он и его отведет в участок. Сын, вырвавшись из рук этого нахала и освободив ни в чем не повинную девушку, назвав свою фамилию и место жительства, отправился домой. Городской же, боясь, что в случае жалобы, ему может достаться за его незаконные поступки, поспешил отправиться в участок, и там доложил все это происшествие в совершенно искаженном виде, уверяя, что молодой человек, назвавший себя Вишневым, вырвал из его рук арестованную им подозрительную женщину, нанес ему оскорбления действием и оборвал на нем шнур, которым был привязан револьвер. В участке сполошились, дали знать жандармскому управлению, а так как в то время было уже заметно некоторое революционное возбуждение среди учащейся молодежи, то оно энергично приступило к расследованию этого дела. У сына произвели обыск, ничего компрометирующего не нашли, но все же держали под арестом. Получив об этом телеграмму, я сильно взволнованный, тотчас же полетел в Москву. Потребовав от сына чистосердечного, правдивого рассказа об этом происшествии, я отправился к градоначальнику с просьбой освободить его из — под ареста и отнестись к этому делу с должным вниманием и справедливостью, так как я ручаюсь в его безусловной невинности. Градоначальник обещал, что если по окончании предварительного следствия обнаружится, что поступок его не имел революционного характера, то он будет освобожден от ареста и отдан на поруки. Поэтому советует обратиться к жандармскому офицеру, производящему, расследование, который без сомнения, в курсе этого дела. Означенный офицер действительно заявил, что придавать политический характер поступку моего

сына, нет никаких оснований, поэтому он немедленно будет освобожден от подобного обвинения, а следовательно и от ареста. Но что полиция настаивает на привлечении его к ответственности за оскорбление городского при исполнении им служебных обязанностей. Это меня не очень успокоило, даже минимальное наказание, могло повредить его будущей служебной деятельности. Поэтому я решил посетить Старшего Председателя Судебной Палаты, Председателя Окружного Суда и того Товарища Прокурора, который будет обвинять его на суде, чтобы узнать их мнение об этом злополучном деле, и имеются ли доказательства виновности моего сына. Все трое оказались моими хорошими знакомыми вполне беспристрастно, отнесшиеся к исполнению своих обязанностей, и находившие, что обвинение настолько не серьезно и бездоказательно, что мой сын без сомнения будет оправдан. Но несмотря на это, освободить его от суда — не было возможности, что меня крайне удивило. Московские приятели сына, зная его добродушие, благородный, тихий, кроткий нрав, помимо меня, обратились к известному популярному, талантливому присяжному поверенному — Грузенбергу, с просьбой принять на себя защиту юноши, обвиняемому в мнимом преступлении. Он с большой охотой, без всякого вознаграждения, выступил на суде его защитником, и самым убедительным, блестящим образом, доказал, что не судить, а благодарить следовало молодого человека за проявленный им благородный, самоотверженный порыв защитить, ни в чем неповинную девушку. Как это обнаружилось на суде, от самодурства не трезвого городского. И что было бы более справедливо, чтобы городской фигурировал на скамье подсудимых, а не теперешний обвиняемый. Ко всеобщей нескрываемой радости, присутствовавшей многочисленной публики, суд вынес оправдательный приговор моему сыну. Сделавшись артистом Малого Театра, способный, интересный, не глупый, легко увлекающийся, он, несомненно, имел успех в

Вишневецкий Иван Гаврилович

сферах, в которых вращался. Не думаю, что из него вышел бы выдающийся артист, тем более, что тогдашние эгоистически самолюбивые заправила Малого Театра, не очень — то поощряли развитие и совершенствование талантов молодежи обоего пола. Но такая симпатичная, и пользовавшаяся большим успехом, артистка, как Рощина — Инсарова, ежегодно совершая гастрольные поездки по Волге, всегда приглашала Ваню в свою труппу; и игра его, по отзывам местных критиков, имела успех. По выходе замуж, за одного из графов Игнатьевых, Рощина — Инсарова покинула сцену и дальнейшая ее судьба мне неизвестна. Ване же, проявлявшему большой интерес к историческому прошлому Москвы вообще, а к театральному — в особенности, поручено было разобрать и привести в систематический порядок обширный архив Малого театра, за что он очень усердно принялся. В первый год своего поступления на сцену Малого Театра, он

все лето провел у нас в Фарбоване. Накануне и остальные родные отнеслись к нему с большой симпатией и сердечностью. Он развлекал всех прекрасным чтением, декламацией, рассказами, чем заслужил всеобщее расположение. Гостившая у нас бывшая воспитанница Лизочка, по лету Водягина, и скромная миловидная Шурочка, по — видимому, серьезно увлеклись им. Этому способствовали не только юные годы, но и чудные украинские ночи, прогулки по прелестному саду, на берегу пруда, при фантастическом лунном освещении, аромат цветов, щебетание птиц — одним словом, та волшебная природа, которая так магически действует на юные сердца. И когда перед отъездом в Москву он признался, что любит Шурочку и умолял благословить его на брак с нею, то я доказывал ему, что он во — первых, слишком молод для такого серьезного шага в жизни, а во — вторых, несмотря на все достоинства Шурочки, вряд ли она подходящая партия для такого неустойчивого человека, как он, и той среды, в которой он находился. Но устоять против их обоюдной мольбы и препятствовать их радужным надеждам на счастье — я не был в силах, и потому согласился на их бракосочетание, которое и совершилось в Фарбоване. Для легкомысленной, недоброжелательно относившейся к Шурке Лизочки, это был очень неприятный сюрприз, с которым она долго не могла примириться. Уезжая в Москву, новобрачные, по моей просьбе перевезли туда и Наташу, которая под их надзором и попечением была определена в одну из женских гимназий. Молодые супруги жили в мире и согласии. В первый же год супружества у них родилась премиленькая дочь, Леночка. Это казалось, будет залогом продолжительного счастья. Но судьба людей часто подвергается таким случайностям, которые коверкают всю их жизнь.

Благодаря театральной среде, в которой Ваня очутился, переполненной соблазнами и искушениями, и собственному легкомыслию и слабости характера, он увлекся молоденькой, хорошенькой актрисой Малого театра, с которой ему часто приходилось иметь общение. И вот на пятом году супружества я получил от него откровенное признание о его новом увлечении, которое вынуждает его расстаться с Шуркой. Меня его письмо страшно возмутило. Я напустился доказывать ему, что обречь на страдания и покинуть такую добрую, прекрасную, любящую жену и славную дочь, которую, разумеется, она не оставит у него — подло, бесчестно, преступно. И потому, надеюсь, что в нем заговорит совесть порядочного человека, которая удержит его совершить такое безумие. В дальнейшей его переписке со мной, он не оправдывая себя, приводил разного рода соображения и обстоятельства, смягчающие его вину. С своей стороны Шурка, благоразумно понимая, насилу милой не будешь, и убедившись,

что Ваня утратил не только чувство любви, но и сострадания к ней и к своей дочери, написала мне, что с сердечной болью решила немедленно расстаться с ним и надеется найти у нас тот уют, заботы и ласки, которыми пользовалась до выхода замуж. Мы, разумеется, ответили ей, что ждем ее и Леночку с нетерпением и радостно встретим их с распростертыми объятиями. Разведясь с Шуркой, он женился на виновнице своей новой страсти; не переставая проявлять некоторой заботливости о Леночке, для которой выписал какой — то детский журнал. И так как на получаемое им жалованье ему трудно было существовать, то я ежемесячно высылал ему по — прежнему — по сто рублей.

При поездках в Петербург, я обыкновенно останавливался на непродолжительное время в Москве. В первый свой приезд туда, после его женитьбы, я дал ему знать о желании его видеть. Явившись ко мне, он упросил меня придти к нему обедать и познакомиться с женой Ольгой Сергеевной. Мои чувства расположения к нему не позволяли мне отказаться от этого, и мне пришлось убедиться, что его жена — симпатичная, милостивая женщина. Они, по — видимому, были довольны друг другом и поэтому счастливы и веселы. Но предугадать, как сложится их будущая жизнь, конечно, было невозможно. Оказалось, что через некоторое время, выдержав серьезную операцию по случаю язвы в кишках, он не дождавшись полного выздоровления, выйдя в гололедицу на улицу, поскользнулся и упал, отчего произошел разрыв швов, кровоизлияние и смерть. Таким образом погиб

*Вишневецкий И.Г. с первой супругой -
юной Александрой Михайловной. Были
вместе 4 года, родили дочь Елену.*

человек во цвете лет, неумолимая злая судьба которого, лишила его возможности устроить свою жизнь разумно, полезно, продуктивно. По слухам, Ольга Сергеевна вышла замуж за человека новой формации. Что касается моей дочери Маруни, то судьба ее сложилась также очень странно. По — видимому, были все данные для полного благополучия и счастья, на самом же деле, она испытала много потрясений, горя. Доискиваться причин и объяснений этого трудно. Так как чужая душа — потемки. Но возможно, что утрата гармонии между разумом и сердцем, играла в этом отношении не последнюю роль. Посещая ее в Чернявском Институте, я указывал, что ей придется бывать в обществе моих родных и знакомых, поэтому кроме общеобразовательных предметов, ей необходимо обратить внимание на практику французского языка и усвоить себе выдержку и манеры хорошего общества. Институт этот, хотя и не был аристократический, но как сама старуха начальница, так и ее дочь, ближайшая ее помощница и заместительница, с которыми я познакомился, были образованные, светские особы. Они понимали, что моя дочь будет вращаться не в вульгарном, а в интеллигентном обществе и потому и к ней относились с большим вниманием и предупредительностью. Когда она праздниками, в год окончания института, приехала по моему вызову, в Киев, навестить нас, вместе с дочерью особы, у которой провела детство, то все родные и семья Лизы Трубецкой отнеслись к ней с большой симпатией и расположением. А моя сестра Машуня, настояла, чтобы она по выходе из Института непременно

поселилась у нее в Петербурге. Я был в восторге от предложения дорогой сестры, которая благодаря уму, образованию и сердечности, не могла не оказать громадной пользы Маруни. Там она усовершенствуется во французском языке и разовьет свой талант рисования по фарфору. Машуня довольно удобно устроилась в Петербурге. Ее сын Дима, окончив Киевский кадетский корпус, поступил юнкером в Николаевское Кавалерийское училище. Это заставило и ее переехать в Питер. Она приютила у себя и Колю Трубецкого, который готовился для поступления в Консерваторию. И приобрела небольшой, но очень приятный и симпатичный кружок знакомых. Пребывание Маруни у моей сестры было для нее во всех отношениях благотворно. Когда по случаю Коронации Государя Николая II, я прибыл в Москву, и посетив семью Лабзанных, у которой Маруня провела детство, застал там не только ее, но и племянника моего, Владимира Петровича Трубецкого, который несмотря на застенчивость и необщительность, как оказалось, проводил там целые дни и вечера, то это меня поразило и удивило своей неожиданностью. Эту загадку мне разъяснили Карпачевы, уверяя, что Володя увлечен Маруней и, по — видимому, имеет намерение жениться на ней, так как хлопочет, чтобы ему выслали из Киева его метрическое свидетельство о рождении, а также удостоверение, что он холостой. На мой допрос об этом Маруни, она подтвердила эти догадки, и как сама влюбленная в Володю, умоляла меня, вернувшись в Киев, прислать требуемые документы, и повлиять на Лизу, чтобы она благосклонно отнеслась к их браку, который они решили совершить в Москве. Откровенно говоря, меня это вовсе не радовало. Мне казалось, что они по своему характеру не подходят друг другу. Но Маруня была в таком восторженном состоянии, что никакие доводы, разумеется, не могли поколебать, принятого ими решения. Написав очень сердечное, нежное, прочувственное письмо матери Володи, она умоляла благословить ее брак с ним, обещая всю жизнь быть примерной, любящей женой

Вишневецкий Г.И с дочерью Марией Гавриловной

и безгранично преданной, признательной ей дочерью. Многие родственники Лизы доказывала ей, что нет причин и оснований противиться этому браку, так как, при характере Володи, он легко мог увлечься и жениться на какой — нибудь совсем не подходящей и недостойной особе. Выслав ему в Москву документы, и благословив их в письме, Лиза принялась ремонтировать и приводить в порядок флигель в Гавронщине к их приезду. Жизнь этих двух в сущности: добрых, недурных, своеобразных, бесхарактерных дядь — была, однако, полна всякими

Вишневатский Г.И. с первой и любимой внучкой Мусей (княжной Марией Владимировной Трубецкой)

самыми разнообразными перипетиями и осложнениями. В первый же год их супружества у них родилась прекрасная дочь. Муся, которая сделалась нашей любимой внучкой.

Семья Князей Трубецких состояла из самого кн. Петра Александровича, его супруги Елисаветы Ивановны, рожденной Лукашевич, и семи сыновей и одной дочери. Несмотря на многие хорошие качества своего характера, Петр Александрович не сумел сделаться полезным, авторитетным главой и руководителем своей семьи, потеряв престиж серьезного, дельного человека, которым он в начале казался. Обладая по жене большим имением в Екатеринославской губернии великолепной громадной усадьбой с

домом в Киеве, двумя имениями в Киевском уезде и порядочным капиталом, он своими неразумными авантюрами и аферами по постройке домов и другим спекуляциям, довел материальное положение жены и семейства до большого расстройств. Все это не могло не раздражать и не возмущать, гораздо более дельную его супругу, Елисавету Ивановну. Она часто с отчаянием приезжала к нам жаловаться и просила оказать ей участие и содействие. Настуня, как горячо любившая ее сестра и я, самый преданный неизменно любящий ее друг, тотчас изыскивали способ доставить ей необходимую поддержку. Что, к счастью, имея кредит в некоторых банках, а иногда и свободные наличные деньги, нам удавалось сделать. Такая паллиативная помощь могла только временно выводить их из критического положения. Упрочить же их собственное и детское благосостояние возможно было не иначе, как решительными, радикальными мероприятиями. И действительно, когда Петр Александрович, еще не очень старый человек, в следствии хронических недугов, заболел и неожиданно скончался, то мне пришлось взять на себя заботы о той, которая с юных лет была мне дорога. Эти мои неизменные чувства любви и преданности, не могли не вызвать и в ней той признательной привязанности ко мне, которая по ее словам, всегда таилась на глубине ее сердца. Я сделался ее ближайшим советником и руководителем. И разумеется, вся моя деятельность была направлена к тому,

чтобы привести все ее дела в известность и в такой порядок, который устроили всякие материальные неурядицы и треволнения, неблагоприятно отзывавшиеся на ее здоровье. Я считал, что выделяя своих детей достигших уже зрелого возраста, оставив себе необходимые средства для жизни, она удобно может устроить и свое и их благосостояние. Но для этого необходимо произвести следующие операции: продать два принадлежавшие ей дома — один большой на Михайловской улице, а другой — меньший, на Мало Житомирской. Перезаложить Екатеринославское имение «Сергеевку» в Дворянский поземельный Банк, с получением дополнительной ссуды. Войти в переговоры с арендаторами имений об увеличении арендной платы. Продать на сруб часть леса в Киевском уезде. Вырученной от этих операций, значительной суммой денег, расплатиться с банковыми и частными делами, а остающиеся распределить между детьми, положение которых, за недостатком средств, было очень затруднительно. А затем немедленно приступить к разделу Екатеринославского имения и выделу из него каждому сыну и дочери по пятисот десятин земли, остальное же количество вели оставить в своем пользовании. Этот мой проект был ею вполне одобрен и приведен в исполнение самым благополучным образом ко всеобщему удовлетворению.

Мое первое увлечение, дружба и идеальная любовь к Лизе, несмотря на изменившиеся обстоятельства ее, да и моей жизни, не могли изгладить из моей памяти отрадных воспоминаний с тех моих чувствах к ней, которые наполняли мое сердце. И если, благодаря тесному семейному общению и родственным отношениям, не уменьшилась наша взаимная приязнь и расположение, то нельзя удивляться моему влечению быть полезным ей и ее семье в трудную минуту их жизни. Может быть французские романисты правы, утверждая, что «всегда возвращаешься к предмету первой своей любви», так как моя любовь обоих моих двоюродных сестер не подлежала никакому сомнению. Настуню я обожал, как святыню, перед которой всю жизнь преклонялся. Лизу безгранично любя, красотой ее умилялся и восхищался. Все это, как и настойчивые мольбы дорогой моей сестры Машуни, проживавшей в Петербурге с сыном Димой, поддержанные сердечными просьбами бесценной Лизы, переселиться к ней и устроиться вместе, на половинных расходах, в ее большой, удобной квартире, так прельстили Настуню, Юлию и меня, что мы решили с радостью исполнить их просьбы. Быстро упаковавши необходимые предметы и вещи из нашей обстановки, отправили их малой скоростью в Петербург и телеграфировали о дне нашего выезда. Встреченные на вокзале горячими поцелуями и восторженными приветствиями, мы зажили среди многочисленных, искренно расположенных к нам Петербургских родных и знакомых, такой приятной, разнообразной, интересной жизнью, которая полна была веселья и удовольствия. Дочь Трубецких, Варя, была, как в детском, так и в юношеском и зрелом возрасте — прелестнейшим, милейшим, добрейшим существом. Рано выйдя замуж за товарища своих старших братьев, барона Владимира Рудольфовича Штейнгеля, отец которого был большой делец и крупный землевладелец Донской области; была первые годы очень счастлива и довольна своей судьбой. Муж ее не глупый малый, вскоре после женитьбы, унаследовав от умершего отца большое

состояние, повел широкий образ жизни, сделался крупным азартным игроком и пустился в разнообразные амурные похождения. Прижив с ним трех дочерей и сына, она старалась не придавать серьезного значения его изменам. Но когда дело дошло до того, что он открыто сошелся с какой — то Венгеркой, которая настойчиво требовала, чтобы он развелся с женой и женился на ней, и объявил об этом Вари, она долго не соглашалась, но под влиянием, влюбленного в нее поклонника Николая Алексеевича Жеребкова, довольно интересного правоведа, который ей нравился, разведясь со Штейнгелем, вышла за него замуж. А Штейнгель в свою очередь женился на Венгерке. Живя в Москве с новоприобретенным мужем и детьми, на воспитание и содержание которых Штейнгель ежемесячно высылал ей значительные куши денег, она прекрасно устроилась. Была в высшей степени любезной, приветливой хозяйкой; и при моих частых посещениях Москвы трогала меня своим вниманием и гостеприимством. На полученные ею от матери при выделе деньги, она по инициативе Жеребкова, приобрела небольшое хорошенькое имение в Калужской губернии, где они устроили образцовую сельскохозяйственную ферму, где и проводили летний сезон.

Старший сын Трубецких, Владимир, со дня рождения был замечательно красивый мальчик. Для родителей он был кумиром, которым они гордились и восхищались; родные и знакомые также не могли не любоваться им. Но некоторые странности характера обнаружили в нем с младенческого возраста. Так он избегал и его стесняли даже нежные материнские ласки и общее внимание. А с годами, несмотря на доброе сердце, в нем рельефно проявились: застенчивость, упрямство и замкнутость. Будучи в Киевской третьей классической гимназии, он кем — то или чем — то обиженный, задумал вопреки желания родителей, перейти в Житомирскую Гимназию, что очень волновало и расстраивало их. Я, относившийся к детям вообще, а к ихним в особенности, с большой симпатией и расположением, решил поговорить с ним «по душе», и убедиться, что недостойно и бессмысленно огорчать и тревожить родителей, которые любя и заботясь о нем, ни в чем его не стесняют. По — видимому, мои доводы произвели должное действие и о переводе его в Житомирскую Гимназию уже не было речи. Он благополучно окончил Гимназию и поступил на медицинский факультет Киевского университета. Избрав себе специальность — бактериологию, под руководством профессора Садовеня, у которого по окончании курса и состоял ассистентом.

Любя деревню, сельское хозяйство, охоту, он с удовольствием проводил большую часть времени в Гавронщине. Имел большие способности к садоводству, огородничеству и разного рода ремеслам, а также не малую склонность к романическим похождениям, которые, благодаря страшной, неудержимой ревности жены, чуть не довели их до расторжения брака. В настоящее время, когда так трудно добывать себе средства к жизни, он усиленно занят бактериологическими анализами и экспертизами, что и дает ему возможность существовать, но всегда жаловался на недостаток средств.

Второй сын, Иван, веселый, беспечный, добродушный юноша, окончив Киевский Университет по Юридическому факультету, принадлежал к кружку

безшабашной Золотой молодежи. Благодаря приятному характеру, интересной наружности и замечательному природному таланту, не зная но, по слуху подбирать, исполнять и напевать всевозможные романсы и цыганские песни, он, имея уже несколько любовных интрижек, прельстил очень милую, интересную дочь моего приятеля Ивана Степановича Искры, Ольгу Ивановну, на которой и женился. Поселившись с нею в имении, доставшемся ей от родителей, в с. «Ораном» Радомысльского уезда Киевской губернии, и будучи назначен в том округе участковым Мирowym Судьей, он периодически приезжал в Киев пожуировать , и в одно из таких посещений, в начале смутного времени, был одной из первых жертв, безвинно пострадавших.

Третий сын, Александр, положительный, благоразумный, будучи студентом, нашел более выгодным перевестись в Петербургский Александровский Лицей, в котором воспитывались люди состоятельные, принадлежавшие к так называемой аристократии, быстро пристраивавшиеся на дипломатическом поприще. Окончив Лицей он, однако, поступил на службу по ведомству Императрицы Марии, где успешно и подвигался. Был большой любитель и коллекционер всевозможных старинных художественных предметов и вещей, которые приобретал на аукционах и у старьевщиков. Имел обширное знакомство и много друзей; из которых милейшая семья Оболяниновой была для него самой интимной и близкой. Ко мне он относился в высшей степени любезно и внимательно, настаивая, чтобы я, приезжая в Петербург, останавливался у него. И так как у него всегда бывала превосходная, большая, комфортабельная квартира в центре города со всеми удобствами и роскошью обставленная, причем он сам отличался добродушным хлебосольством, то я с удовольствием пользовался его гостеприимством . К сожалению он также не избежал печальной участи: был во время смуты арестован, заболел тифом и отправился на тот свет. Четвертый сын, Сергей, любимец матери, представлял из себя какого — то феноменального субъекта. Добряк по природе, он тем не менее проделывал невероятные манипуляции. Выйдя из Николаевского Кавалерийского училища в Лейб - гусарский полк, он, по непонятной причине, не обладая ни большим умом, ни красотой, тем не менее имел несомненный успех в амурных похождениях, причинявших много тревог и огорчений матери. Не сообразуясь со средствами, он позволял себе делать самые непроизводительные траты и, разумеется не мог продолжать службу в таком дорогом полку, как Лейб — гусарском. Причем женился на очень красивой, воспитанной, образованной , но не богатой, молодой девице, дочери заслуженного генерала Жеребкова, Нине Михайловне. Прижив с ней прелестного сына Никиту, которого бабушка Елисавета Ивановна обожала, он начал дурить. Познакомившись с Московской Опереточной певицей Селин, гастролировавшей в Петербурге, влюбился в нее, последовал за ней в Москву и решил развестись с женой, чтобы жениться на ней. Нина Михайловна, возмущенная таким отношением к ней, основательно заявила, что согласится на развод только в том случае, если ей будет выдана значительная сумма денег на содержание ее и сына. И так как он готов был наделать массу глупостей и несуразностей, то его матери пришлось лично войти в переговоры с невесткой по этому поводу, положение которой действительно оказалось очень незавидным.

Примирить же с человеком, без всякого повода и основания бросившего сына и жену на произвол судьбы, было невозможно. Поэтому нужно было придти к взаимному миролюбивому, справедливому соглашению. Елисавета Ивановна от своего имени выдала Нине Михайловне документ на уплату ей условленной суммы денег и дело о разводе получило движение. Вместе с тем необходимо было принять решительные, энергичные меры, чтобы помешать Сергею жениться на Селин, для чего, по просьбе Лизы, я поехал в Москву и успел очень дипломатично это устроить. Но неугомонному человеку через некоторое время опять пришла блажь сойтись с неподобной, взбаломошной дочерью Павла Александровича Демидова, Оли, и вопреки собственным желаниям и всех родных жениться на ней. Этот брак наделил его тоже сыном, и после непрерывного ряда скандалов, был расторгнут без затруднений. Сыночек остался у матери. Этим, однако, его эротическое помешательство не ограничилось. Он вступил в третий брак с дочерью некоего Кимайера, имевшего магазин заграничной мебели в Киеве; кажется Австрийского подданного — еврейского происхождения. Ее находили красивой, мне же она представлялась какой — то Египетской мумией. И так как кроме княжества, он ничего существенного дать ей не мог, то она с родителями, почуяв опасность, эмигрировала на Родину, развелась с ним, а он пробравшись своевременно в Париж и в настоящее время, говорят, влачит там жалкое существование. По слухам работал на автомобильной фабрике и чуть ли не собирался еще раз жениться.

Пятый сын, Николай, милый, хороший, добродушный, с юных лет проявлял большие музыкальные способности, поэтому в начале сама мать, а затем учителя подготавливали его для определения в Петербургскую Консерваторию, которую он и посещал, проживая у моей сестры Марии Ивановны. Артистом, в строгом смысле слова, он не сделался, но все же был очень хороший пианист. Рано женился на симпатичной, интересной дочери Магдалины Михайловны Вогак — Софии Всеволодовне. Они имеют четыре сына и дочь. По сложившимся обстоятельствам он должен был эмигрировать за границу, где дает уроки музыки; а она и дети с большими лишениями проживают в нужде в Золотоноше, Полтавской губернии.

Шестой сын, Петр, славный, но бесхарактерный добряк. Окончив Пажский корпус, поступил в Лейб — Уланский Императрицы Александры Федоровны полк. Женился при содействии брата Александра, на дочери его приятельницы. Марии Александровне Оболяниновой, очень хорошенькой, но не серьезной юной девушке. Имели забавного сынка. Первоначально жили мирно и дружно. Пристрастившись азартной карточной игрой, в которую в большинстве случаев, проигрывал и увлекшись чрезвычайно красивой, сомнительной нравственности, сожительницей своего товарища и друга, которая не брезгала пользоваться и его средствами, он таким образом скоро растратил все свое полученное от матери состояние. К тому же подвернулся серьезный, привлекательный ухаживатель за его женой — полковник Генерального штаба Линевиц, которому удалось развести ее с мужем и самому жениться на ней. В конце концов Петя умер где — то в нужде; а его бывшая жена, обедая в Париже в каком — то ресторане окончалась от разрыва сердца.

Седьмой сын, Дмитрий, был тоже неудачник, хотя и не по своей вине, так как по природе был не глуп. Но в юные годы, когда был в младшем классе Пажского корпуса, с ним случилось печальное происшествие. Гостивши у сестры на Кавказе, и подойдя к кабриолету, в котором должен был ехать на пикник, лошадь схватила губами кисть его правой руки и так изгрызла ему пальцы, что пришлось их ампутировать. О военной службе не могло быть и речи. Но и для гражданской — это служило большим препятствием. Кроме того его неудачная женитьба на особе другого общества и круга, а затем наступившее смутное время - заставило его и жену перебраться за границу, где она, произведя на свет ребенка, умерла после родов. А он в качестве чернорабочего, по настоящее время служит в Париже на каком — то заводе.

Лиза, овдовевши и материально устроивши всех своих детей, которые обзавелись собственными семьями, была нашей неразрывной спутницей как в России, так и за границей. В последнее время — она с внучкой Мусей, моя сестра Мария Ивановна, Кузина Юлия Всеволодовна и я — прекрасно устроились в общей, очень удобно, комфортабельно, роскошно оборудованной квартире в Киеве, на Фундуклеевской улице. Но так как каждый из нас, от житейских треволнений и скорбей, страдал какими — нибудь серьезными недугами, требовавшими лечения, то по совету врачей, каждое лето ездили сообща за границу на различные курорты: кто в Наугейм, кто в Киссинчен, кто Гомбург. И, выдержав курс лечения, съезжались в каком — нибудь пункте, для возвращения домой. Зимой же опять вместе, в обществе многочисленных родных и друзей, самым приятным образом проводили в Ницце. Мой брат, Андрей Иванович, под впечатлением наших восторженных рассказов о Ницце, выделив двух сыновей, дочь и пасынка, ликвидировав свои дела и имущество, и приехав навестить нас, так был очарован ею, что приобрел небольшую хорошенькую виллу «Пакс», в которой поселился, и безвыездно пребывал до самой смерти, с преданной ему симпатичной бонной его детей, швейцарской Марией Лаша и с русской прислугой. Лиза и я тоже мечтали приобрести там виллу, но более роскошную, поместительную, с садом и обстановкой. Такие случаи часто представлялись. Но для этого нужно было иметь наготове наличный более менее значительный капитал, которого у нас не было. И действительно в конце 1913 года спешно продавалась за 110 тысяч франков прелестная вилла, с превосходной богатой обстановкой, какого — то знатного Австрийца, который вероятно имел уже сведения о предстоящей войне. Если бы мы имели тогда возможность приобрести ее, то не очутились бы в том бедственном положении, в котором теперь находимся.

Постоянные обитатели Ниццы были ко мне очень внимательны. Перезнакомившись со всеми, начиная с местных властей и русского консула благодаря чину, званиям камергера и предводителя Дворянства, я был везде вхож и приглашался на все торжества. Большое значение придавали так же моему родству с Светлейшей княгиней Юрьевской, которая приходилась нам двоюродной сестрой, т. к. ее мать, Вера Гавриловна Долгорукая, как я упоминал раньше, была родная сестра моего отца. Пока она была супругой Императора Александра II и имела пребывание в Петербурге, мы, конечно, не могли иметь с нею близких отношений. Но когда после кончины Александра II, она

поселившись в Ницце, в своем небольшом дворце на бульваре Дюбусаж, узнала от своих братьев князей Василия и Анатолия Михайловичей Долгоруких, что мы приехали в Ниццу и проведем в ней весь зимний сезон, то выразила желание, чтобы мы посетили ее и написала нам любезное письмо, приглашая приехать к ней на завтрак в назначенный ей день. Разумеется, Лиза, Юлия и я с удовольствием воспользовались ее приглашением. Мне, помнившему ее в юные годы, когда она жила в деревне, по соседству с нами, а затем была помещена в Смольный институт прелестной девочкой одного возраста со мной, было любопытно взглянуть на нее. И каково было мое удивление очутиться перед старушкой, утратившей даже следы бывшей красоты; тогда как я был вполне бодр и мало изменился. Оказалось, что она давно страдала серьезными хроническими болезнями и выдержала несколько опасных операций. Теперь, постоянно больная, живет очень замкнуто, нигде не бывает и только в ясные дни делает прогулки в экипаже. Нас она встретила в высшей степени приветливо. Со мной была удивительно мила и внимательна. Просила меня сделаться членом председательствуемого ею благотворительного общества и возможно чаще посещать ее. Кроме того ежедневно присылала нам громадное количество цветов со своей загородной фермы. Таким образом у нас с нею завязались вполне родственные отношения. И я с своей стороны, в каждый приезд в Ниццу, привозил ей из Киева превосходные варенья, собственного приготовления и другие, любимые ею сладости. Благодаря всегдашнему переполнению Ниццы во время сезона, русскими, там образовался скромный клуб, куда — то можно было приходить для чтения всевозможных газет и приятного времяпрепровождения. Меня избрали одним из директоров этого клуба, который я с удовольствием посещал. Мы только первый год имели пребывание в большой, очень хорошей гостинице на бульваре Виктор Гюго, а затем всегда по — домашнему устраивались в прекрасных меблированных квартирах, что было удобнее и дешевле. Мы и в Ницце не могли отрешиться от враждебного гостеприимства и хлебосольства, поэтому имели тесный интимный кружок приятелей и приятельниц, посещавший нас беспрерывно. Наш двоюродный брат Василий Михайлович Долгорукий, человек немолодой и больной, женатый вторым браком на своей, а следовательно и нашей, племяннице Лизе Баронч, имевший в центре города очень хорошую виллу. Два автомобиля - открытый и закрытый, а также абонированную ложу в театре; с своей стороны оказывал нам большое внимание, представляя пользоваться его ложей и совершать интересные экскурсии на его автомобилях. Чем мы охотно пользовались, осматривая окрестности. Поездки с головокружительной скоростью по чрезвычайно живописной шоссейной дороге, проложенной зигзагами над бездонными пропастями, где на невероятной высоте находятся громадные плантации цветов и несколько фабрик духов и парфюмерных изделий, представляли большой интерес, но с непривычки, такая езда захватывала дыхание. Также приятно и любопытно было посещать небольшой, аристократический, приморский городок Канн, с его чудными, роскошными богатыми виллами в Муниципалитете и общественных собраниях. Театр. Карнавальные празднества (Carnaval). Бой цветов (Bataille des fleurs).

Завтраки у знакомых. Ежедневные чаи в четыре часа, с музыкой, танцами и превосходным угощением в роскошных отелях. Обеды, а затем бридж у нас или у наших приятелей - все это было так разнообразно, весело и приятно, что покидать Ниццу всегда было грустно и печально. Несмотря на то, что Наугейм и Ницца поддерживали несколько здоровье и силы Лизы, но серьезное болезненное состояние сердца внушало ей большие опасения. По — видимому она предчувствовала, что ей скоро придется расстаться с жизнью. Поэтому, не говоря никому, отправилась к самому добросовестному киевскому нотариусу Воробьеву, у которого совершила духовное завещание, назначавшее меня и ее старшего сына Владимира душеприкащиками, исполнителями и распорядителями ее желаний и воли, на случай ее смерти и разные другие документы. По обыкновению в начале лета 1914 года, она Юлия я и наша внучка Муся Трубецкая поехали в Наугейм; где нас неожиданно захватило объявление войны с Германией. Все русские, французы и англичане, не успевшие своевременно выехать оттуда, были задержаны. После больших хлопот и томительного ожидания, женщинам предоставлено было право выезда, которым Лиза с Мусей в сентябре месяце и воспользовались. Мужчины же несмотря на возраст и болезни, в том числе и я, очутились пленниками. Сердобольная, дорогая Юлия видя мое отчаяние, и не желая меня покинуть в горьком одиночестве, осталась со мной ангелом хранителем и утешителем до самого возвращения нашего в Киев 5 марта 1915 года. Хотя мы и не имели основания жаловаться на дурное обращение с нами же в Наугейме, ни в Берлине, где нас продержали целый лишний месяц, ежедневно обещая нам беспрепятственный выезд; но все же тоска по родине, по любимым нами родным, нас сильно волновала и угнетала. Придавая значение моему чину и придворному званию, немцы держали меня и несколько других таких же пленников для обмена на своих задержанных в России; о чем шли переговоры. Потому все наши хлопоты в испанском посольстве, покровительством которого мы должны были пользоваться и ходатайства за меня в Петербурге у Министра Иностранных дел Сазонова его приятельницы Марии Андреевны Коваленской кончались всегда обещанием о скором моем возвращении.

